ПИОНЕР

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ

ОТВЕЧАЕМ НА ВСЕ ВОПРОСЫ

ПРИЕМ ЕЖЕДНЕВНО

ВОПРОСЫ

1. Как называть руководителя—вожатого детдома: по имени и отчеству или по фамилии, если привыкли звать по фамилии?

2. Каким образом можно связаться с деткомгруппами других стран?

Пионеры детдома им. т. Урицкого

г. Парусы.

ОТВЕТЫ

1. Лучше всего называть своего вожатого просто по имени, — так делают почти все пионеры. Однако дело, конечно, не в названии, а в том, как ребята относятся к вожатому. Если вы уважаете и любите его и он вас тоже, то совсем неважно, как вы его будете называть.

2. Это сделать нетрудно: нужно написать письмо, написать, с ребятами какой страны (если хотите, то даже города) вы хотите переписываться и послать все это в Центральный кабинет пионерработы. Адрес кабинета такой: Москва, Б. Трубецкой пер., 16, Академия ком. воспитания им. Н. К. Крупской, в Центр. кабинет пионерработы.

ВОПРОС

3. Можно ли делать чисто ученическую вечеринку у какого-либо ученика?

В. Сандыктов, Г. Бугаков

ОТВЕТ

3. Устраивать небольшие вечеринки друг у друга дома очень хорошо. Это закрепляет дружбу и помогает интересно провести время.

Только нужно, чтобы на вечеринке не было зря потеряно время. Очень хорошо, когда ребята, собравшись, поговорят о каком-нибудь школьном деле (например, почему плохо работает школьный кооператив и как это исправить и т. п.). Затем можно поиграть в хорошие игры, попеть, почитать что-нибудь интересное, попить чаю.

А в конце вечеринки надо взять карандаш и бумагу и коллективно написать в журнал „Пионер“ о том, как прошла вечеринка.

На обложке:

Весна. День птиц.

Рис. художн. Л. БРУНИ.

ВОПРОС

5. Кто такие штрейкбрехеры и чьи интересы они защищают: рабочих или буржуазии?

П. Степанов

ОТВЕТ

5. Когда рабочие об'являют забастовку, то капиталисты за повышенную плату приглашают работать наиболее несознательную и темную часть рабочих. Это делается для того, чтобы сорвать забастовку, т. е. заставить рабочих вернуться на работу на прежних условиях.

В некоторых странах капиталисты организовали отряды штрейкбрехеров и всегда держат их на примете на случай забастовки.

Но даже самые отсталые рабочие и за самую высокую плату все чаще и чаще отказываются итти работать в качестве штрейкбрехеров.

ВОПРОС

6. Считается ли деткоровский труд за общественную работу?

В. Клюев

с. Петровское

ОТВЕТ

6. Деткор активно участвует в окружающей жизни, и если он не будет активно работать в школе, в отряде или в детдоме, то ему не о чем будет писать и он не сможет быть деткором. Так что деткор, само собой разумеется,—общественный работник. Помни еще одно: хороший деткор является распространителем журнала „Пионер“.

ВОПРОСЫ

7. Может ли пионер купить или выписать пистолет „Бульдог“ и носить его открыто? Если нет, то почему?

8. Какой ученый выдумал русские буквы и в каком столетии?

9. Кто организовал впервые отряды юных пионеров, в котором году и где?

С. Кондыктов, В. Хохлов

ОТВЕТЫ

7. До достижения совершеннолетия, т. е. 18 лет, законы СССР запрещают гражданам огнестрельное и холодное (военного образца) оружие. Поэтому пионер не может покупать „Бульдога“.

8. Русская азбука введена Петром I в XVIII веке.

9. Первые отряды ЮП были организованы в Москве, на Красной Пресне, в 1922 г.

Редколлегия: Н. БУЛАТОВ, И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, И. РАЗИН, М. ЭПШТЕЙН Отв. редактор И. РАЗИН

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

АПРЕЛЬ
№ 8

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Шапкиных Демида и Верочку покидает мать; их берут в коллектор для беспризорных и сирот. Там Дема дружится с Гудковым и Лизой. Из коллектора Дему, Гудкова и Лизу отправляют в игрушечную школу в другой город. Верочка остается в коллекторе.

Маруся Кондакова жила в семье, а не в интернате, и увела с собой Лизу на вечер.

Подруги шли городом и оживленно болтали. Лиза спрашивала, Маруся отвечала.

Лизу интересовало многое: кто живет теперь в доме ее отца, можно ли ходить на лаврскую стену, бывает ли зимой каток.

— На стену ходить—сколько угодно. Мы иной раз заберемся компанией, проходим целый вечер.

— Растут ли на стене цветы?

— Мало, с краю только, где мочит дождем. Тут над стеной исправили крышу, и цветы все высохли... Кто в твоем доме живет—не знаю.

Лизе захотелось узнать, и подружки свернули на Заштатную улицу.

Заштатная улица лежала на зеленых буграх; под каждым домом бугор, промеж бугров маленькие озерки, покрытые ряской, вокруг озерков—лежанки для гусей и уток. Зимой на Заштатной получались удобные горки, и ребята со всего города сбегались туда кататься.

Среди рассыпавшихся стадом домов Лиза нашла тот, который когда-то был своим, и постучала в резной наличник. Дом был заново выкрашен, по карнизу и по наличникам отделан резьбой.

Ворота открыла старуха; увидев подружек, она спустила подоткнутую юбку, рассучила рукава и сказала:

— Ежели по делу, войдите.

— Я хочу взглянуть,—в этом доме жил мой отец, и я сама жила в нем.

— Мы его с торгов купили от коммунального.

— Да, за долги продали.

Хозяин, известный всему городу резчик Лужов, приветливо потрепал Лизу по плечу и сказал:

— Ходи, ходи, я ничего. С отцом-то твоим в молодости вместе работали, только потом разниться начали: он столярную игрушку делал, а я вот резную. Все хочу райскую, небесную красоту вырезать, на удивление всем и на вечный поглядок. Люди мне говорят, что давно уж удивляются моей работе, а я не верю людям, зря, от лести, по-моему, стрекочут люди. Поверить лучше бы, тогда и спать можно спокойно, не думать.

Старичок показал девочкам свои работы: ларцы, покрытые тончайшей резьбой, шкатулки, брошки, кресты.

— В нашем музее лежат кресты, монашек их один вырезал; я все хожу, гляжу на них и думаю: „мне бы так, мне". За такую работу он беспременно получил вечную жизнь.

Лиза внимательно разглядывала вещицы Лужова и признавалась сама себе, что ничего в них не понимает. Маруся равнодушно оглядывала их и интересовалась только брошками, примеряла их на свою грудь.

— Не понятно?—заметил старичок,—не сразу это; чтобы понимать какую-нибудь штучку, надо долго глядеть на нее, тогда и разглядишь.

Лужов весело глядел на девочек, на немощь их пониманья, покачивал головой в пушистых седых волосах и, смеясь, утешал:

— Не поймете—не беда. Мы ведь народ умирающий, понимать нас, может, и не к чему, спустить нас в могилу вместе со всеми затеями и забыть. Не знать—это легче, чем знать.

Подружки попрощались с Лужовым и ушли бродить на бугры. Лизе они были знакомы и особенно приятны тем, что попрежнему ярко зеленели.

— Ты, Маруся, поняла что-нибудь? — спросила Лиза.

— Брошки—прелесть, и ларцы можно поставить на столик для шелковых ниток, для вязанья.

Маруся говорила, точно и в самом деле понимала толк в вещицах Лужова. Она обо всем говорила уверенно, при этом слегка кивала головой и тут же поправляла замысловатую прическу, потом вытирала платочком руки. Она была старше Лизы, держалась как взрослая, с мальчиками была скупа на слова, девочек любила обнимать и так сидеть с ними.

Марусе не понравились волосы Лизы, остриженные, не завитые, забранные под гребенку.

— У тебя волосы как у комсомолки, отпусти косу,—сказала она.

— Я—пионерка.

— К чему это?

— А ты почему не пионерка и не комсомолка?

— Если я запишусь в комсомол, то потом придется мне стать коммунисткой, а коммунист не может получать больше 250 рублей. Возможно, что я буду получать больше, или мой муж. Я выйду замуж только за беспартийного, который может получать сколько угодно.

Лизу ошеломил такой ответ, она пролепетала в растерянности:

— Какая ты большая...

— Мама говорит: „Не делай глупостей смолоду", а комсомол для девочки—ненужная глупость.

— Заведующий говорит, что на игрушках не заработаешь больше пятидесяти рублей.

— Так я и буду балбешницей, жди.

— Зачем же учиться?

— Чтобы вкус выработать. Ты, Лиза, никому не передавай, почему я в комсомол не хочу, опять пропишут в стенной газете. Меня раз уж прописали, что барышня я и что песни ихние не пою.

Лиза изумленно глядела на подругу и думала: „Отчего она такая? Раньше была девчонка, как девчонка".

Поведенье и мысли подруги об'яснились в первый же вечер—все шло от матери. Отец Маруси, в прошлом кустарь, только пограмотней и половчей прочих, устроился инструктором по игрушечно-артельному делу и получал много. Мать поэтому сделалась барыней, наняла прислугу, сама стала носить модную одежду, боты вместо валенок, ходить в театр, брать билеты первого ряда и рассуждать так:

— Собранья да выборы—мужское дело. Женщине не пристало бегать по учреждениям: там ее могут оскорбить и вообще, что за охота устраивать чью-то жизнь? Спасибо, что своя кое-как устроена.

В квартире Маруси были ковры, зеркала, диваны, какие-то хлипкие трехногие полированные столики. Лиза не знала, как быть среди этих богатых вещей, о чем говорить с людьми, которые осуждали, что она—пионерка, и поспешила уйти.

Она долго пробродила одна по городу, еще раз забежала в Заштатную, вернула себе радость, которая было померкла от разговора с Марусей, и пришла в интернат.

Дема сердито прошел мимо Лизы и ничего не сказал на ее вопрос: как он устроился?

— Демка, ты чего дуешься?—крикнула Лиза.

Парень вернулся и выпалил:

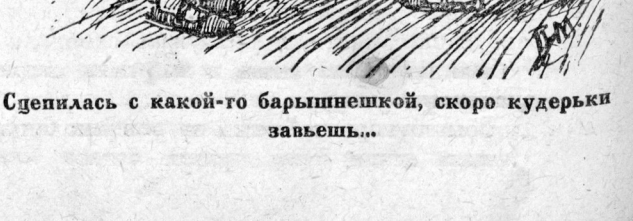
— Хороша больно. Сцепилась с какой-то барышнешкой, скоро кудерьки завьешь, бантики навесишь, платочек вышитый.

— С чего ты взял этакое?

— А с того, сразу же гуляночки, обнимочки пошли.

— Я, может, с ней поругалась, разошлась...

— Водой не разольешь.



Сцепилась с какой-то барышнешкой, скоро кудерьки завьешь...

Дема безжалостно оскорблял Лизу. Он обиделся, что она ушла с Марусей, когда он хотел написать письмо Верочке. Лиза пыталась оправдаться, доказать, что она не только не думает подражать Марусе, а, напротив, осуждает ее, но Дема язвительно улыбался и твердил:

— Да-да, ты поссоришься с ней и сдернешь с нее бантики.

Лиза заплакала. Дема сказал:

— Ты—девочка, тебе не к лицу дружить с парнем,—и ушел в свою спальню.

Товарищи одобрительно загудели ему в спину:

— Правильно, все девчонки думают, что они лучше нас. А такие есть, что где парню до них. Чисти ее, Демка, чисти.

Когда кто-нибудь ссорился, воспитанники почему-то любили разжигать эти ссоры.

Но тешиться долго своим одиночеством Дема не мог; обида против Лизы в нем скоро умолкла, и он пошел проведать ее.

Лиза лежала на кровати и всхлипывала.

— Ну чего ты, я вот пришел и не сержусь,—начал Дема.—Я сгоряча наговорил.

— Не мог выслушать,—упрекнула Лиза.

— Та цаца меня рассвирепила. Сам знаю, что на тебя зря напал. Верке писать будешь?

Лиза вытерла слезы и села писать Верочке, что в школе хорошо, что скоро она и Дема подумают, как перетянуть и ее, Верочку.

Написав, Лиза передала Деме весь разговор с Марусей и разговор с Лужовым.

Дема проворчал:

— Я ее выведу на чистую воду, вышибут ее из школы.

— Погоди, она не свои, а материны слова повторяет.

— Все, знать, хороши: и отец, и мать, и яблочко.

Лужов по рассказу Лизы показался Деме забавным старичком, и Дема попросил:

— Сведи меня к нему. Как он говорит: „не знать легче, чем знать“? Хитрый старик, это он смеялся над тобой.

— Ты, Демка, на меня не сердишься?

— Ну вот, сердился кабы, не пришел бы. Я и тогда не от сердца наговорил, разыграть хотел.

Дема был не прав, он не в шутку сначала разобиделся на Лизу; пока она ходила, переживал себя брошенным, Верочку забытой, всю свою дружбу с Лизой—игрой, которой лучше бы никогда не было. Слезы Лизы убедили его, что обижался он напрасно.

Лиза, договорившись с Демой, повеселела, к ней вернулась радость еще большая, чем в момент приезда. Интернат, довольно сумрачный, тесно заставленный кроватями, показался ей удобным и уютным. Он был, во всяком случае, понятней, проще, чем квартира Маруси, и оттого приятней, более живой. По недостатку места и по бедности у кроватей не было ни столов, ни тумбочек, и девочки каждая свой мир устраивали на стенах. У кого были портреты Ленина, Крупской, у кого—фотографии окончивших школу подруг, у одной над кроватью висела пышная, краснощекая грузинка в халате, вышитом серебром и золотом, взятая от мыла или от коробки с пудрой. У всех были ленточки, цветные пояски, стеклянные бусы. Лиза устроила свой мир—развесила фотографии, оставшиеся от отца, и написала плакат: „Руками прошу не трогать“.

Дема устроился рядом с Гудковым и с Лисицей. Он рассказал Гудкову про Марусю; Гудков раскрыл клеенчатую тетрадь и записал.

— Писать умеешь,—ухмыльнулся Лисица,—зачем же, такой грамотей, в балбешники лезешь? Тебе в начальники надо, в судьи.

— Отстань, болтун,—проворчал Гудков.

Между ним и Лисицей начали устанавливаться своеобразные отношения—взаимных насмешек и колкостей. Лисицу они веселили, а Гудкова досадовали, но оба поняли, что между ними только такие отношения и могут быть. Лисица поддевал всех, к его насмешкам все привыкли, без них, пожалуй, были бы скучны вечера.

В этот вечер Лисица занялся Гудковым. Он то и дело поворачивал к нему свою треугольную мордочку и спрашивал:

— А в тетрадочку записываешь, сколь раз чихнул? Потом оловянную медаль думаешь получить, али за общественную работу засчитать? Арап, видно, ты, дудочник!

Все смеялись, что подмывало Лисицу на новые выходки.

— Ресницы где у тебя выцвели, а может картошку из тебя хотели сделать безволосую, да по ошибке человек вышел? Я ночью буду ворочаться, считай и записывай,—сказал Лисица и погладил Гудкова против волос.

Гудков размахнулся и ударил насмешника по шее.

— Считай, один раз есть,—сказал он.

Лисица пошатнулся от удара, выставил острые, длинные, мелкие зубы и хлипающим голосом заговорил:

— Моня ты белобрысая, моня, моня...

Все засмеялись, но уже не над Гудковым, а над Лисицей, который понял, что он проиграл, и залез под одеяло.

Занялись балалайкой, гитарой и песнями. С большим одушевлением все почему-то пели: „Хаз-Булат удалой“...

Неожиданно закрылось электричество, потом вспыхнуло. Все бросили пенье и начали раздеваться.

Выключатель находился за стеной, в комнате заведующего интернатом, который и регулировал жизнь воспитанников. Когда приходило время спать, он давал темноту на несколько секунд, что было сигналом, что пора укладываться. Когда поднимался не в меру сильный шум, заведующий опять тушил свет—не мешает-де вести себя потише.

Дема заснул с намереньем завтра кольнуть Марусю.

„Я ее отошью от Лизки,—думал он,—отважу и бантики носить и ходить гордячкой. Ишь цаца: „Не хочу в пионеры, муж мой, авось, будет получать больше двух сотен рублей“. И всю ночь Дема видел во сне, как он отшивает Маруську, как она плачет, а он говорит ей: „Не плачь: муж твой будет получать триста“.

КАК ЛИЗА ОКАЗАЛАСЬ СПЛЕТНИЦЕЙ

В окнах брезжил первый утренний свет. В спальню мальчиков явился заведующий интернатом Узин и велел вставать. Воспитанники начали лениво выползать из-под одеял.

— Живей, живей!—торопил Узин.—Откройте форточку, у вас адская духота. Пора запомнить, что спать нужно при открытой форточке.

— Холодно.

— Неженки, холодно, октябрь месяц, а у них закупорены все окна. Санитарная комиссия!

— В санкоме нет ребят, там одни девочки.

— Оттого-то вы и забываете про форточку. Англичане всю зиму спят при открытых форточках.

— Англичане нам не пример, они буржуи, у них Чемберлен,—хихикнул Лисица.

— В чем не пример, а в чем и пример.

— Мы—пролетарии, у буржуев учиться нам не пристало,—продолжал Лисица. Ему не хотелось выползать из теплой постели и он затягивал препирательство.

— Вставай, пролетарий, некогда разговаривать.— Узин взял алюминиевую кружку и начал звонить ею о спинку кровати.

При умывании Лисица оказался рядом с Гудковым и кольнул его:

— Запиши, что умывался.

— Без тебя знаю, что записать. Язык тебе где точили?

— В токарной, а у тебя из бумаги да из клейстера слеплен.

Гудков отвернулся,—он решил не связываться с Лисицей.

Умывались все торопливо и небрежно, большинство не любило возиться с мылом, щеткой и порошком. Кое-кто откровенно ненавидел их и водой пользовался очень скупо: мыл только лицо и руки, а шею, уши и грудь мочил раз в две недели в бане.

К утреннему чаю воспитанники получили по кусочку сахару и по двести грамм черного хлеба. Они быстро проглотили этот бедный завтрак и шумной гурьбой побежали в школу. Кормили воспитанников вообще очень скромно, на девять рублей в месяц, белый хлеб и третье блюдо давали только в дни праздников: Октябрьская революция, Парижская коммуна, Первое мая. Детдомовцы долго и трудно привыкали к однообразному и скупому столу, но деревенские от него, напротив, полнели и румянились.

Мастер подвел Дему к токарному станку и велел крутить.

— Что же я буду зря крутить,—давай мне инструмент и дерево.

— Рано, голубчик, рано. Ты у меня воз лесу перепортишь, сперва холостым править научись.

Что же я буду зря крутить?

Дему обидело, что ему не доверяют, и он надулся.

— Все напервостях холостой крутят, день-два-три, не ты один,—успокоил его мастер.

Дема подчинился, а скоро ему понравилось крутить, и окончательно он успокоился, когда увидел, что мастер очень серьезно относится к его делу и токаря не смеются. Они все крутили когда-то станок и знали, что это начало большого и трудного искусства.

В перерыв, когда умолк мотор, который наполнял всю школу жужжаньем, как великан-шмель, Дема пошел в раскрасочную проведать Лизу. Она стояла у окна с Марусей, и обе они возбужденно обсуждали, может ли продолжаться их дружба, когда они так по-разному думают.

— Неинтересно: всю жизнь собранья, заседанья, протоколы, речи, беготня—сплошная скука,—говорила Маруся и морщилась.—Мальчишки пускай бегают, меньше хулиганить будут...

К подружкам подошел Дема.

— Маруся говорит, что...—заикнулась Лиза, но спохватилась и умолкла.

Дема оглядел чистенькую, празднично одетую Марусю и спросил:

— Это та самая Лялечка? Она хочет получать триста?

Лиза широко открыла глаза; они у нее потемнели и сердито уставились на Дему.

Маруся покраснела, передернула плечами, круто повернулась и отошла к другому окну.

— Демка, кто тебе позволил?!—накинулась Лиза.— Я говорила, что молчи, не твое дело. Кем я получилась—сплетницей?!

— Ну и не говорила бы.

— Дернуло тебя за язык.—Лиза задыхалась от возмущенья, а Деме было весело, и оттого, что он удачно обозвал Марусю Лялечкой, и оттого, что перессорил ее с Лизой. Он по лицу Маруси, которая, стоя у окна, кусала губы, видел, что дружба Лизы с нею кончится.

Зашумел мотор. Дема ушел в свою мастерскую, а Маруся подошла к Лизе и сказала:

— Больше ты мне не подружка. Я с тобой не разговариваю. Сплетница ты самая последняя, сплетница!

— Я же ему по дружбе сказала.

— Ха-ха-ха! по дружбе, хороша дружба.—Маруся села за работу и потом, часто отрываясь от нее, деланно хохотала и говорила:

— Дружба! Это какая-то новая дружба, особенная!

В другой перерыв все девочки узнали, что Лиза—скверная девчонка, сплетница.

— Да еще какая,—нашептывала всем Маруся.— Вчера я поговорила с ней по-душам, а сегодня она все передала, да кому—мальчишкам! Мало ли о чем мы девчонки говорим? Так и надо все знать мальчишкам!

Лиза почувствовала, что к ней сразу изменилось отношение подруг. Сначала ее как бы не замечали, были равнодушны, а тут начали сторониться, презирать и делать намеки.

— Надо к мальчишкам сбегать,—говорил кто-нибудь без всякого повода и кивал на Лизу.

— Тише, не шушукайтесь: стены слышат.

— Языки вам надо обрезать,—и головы поворачивались к Лизе.

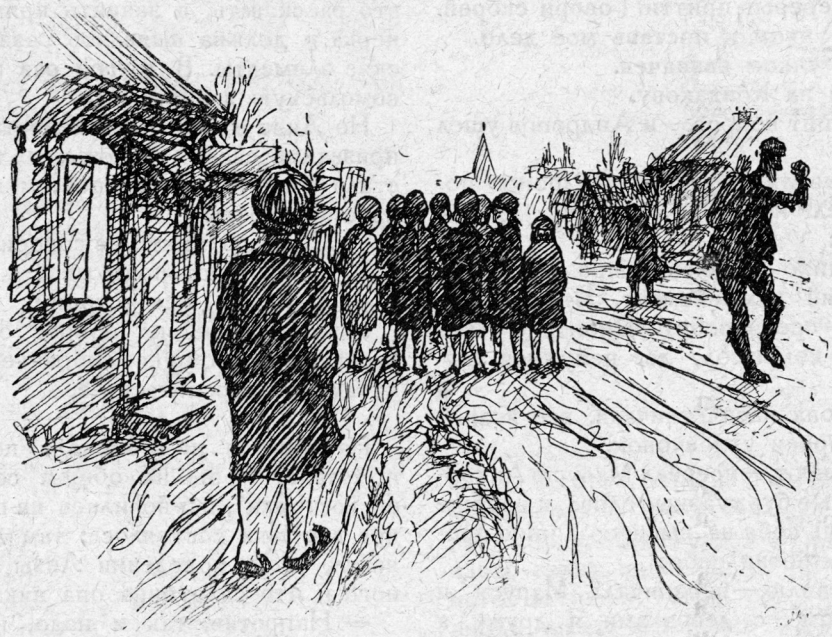
Маруся сидела с довольным лицом и неузнающими глазами осматривала Лизу. Лиза видела, что ей не будет житья, она ни у кого не найдет товарищеских отношений, если не раскрыть все, как было. Но раскрыть она боялась: вдруг да все примут ее слова за новую сплетню, и сидела молча, обиженная и злая на Дему.

Вечером девочки явно показали свое презрение к Лизе. Они сидели группой и писали друг другу в альбомы. Подошла Лиза. Альбомы захлопнулись, и Первый токарь сказала:

— Проваливай, проваливай, нечего соваться, куда не просят — живо перенесешь мальчишкам.

Лиза села на кровать, как ошпаренная жгучей крапивой. Утром на спинке ее кровати появилась записка:

„Говорите тише, здесь спит телефон".



Лиза в мастерскую плелась одна

Лиза в мастерскую плелась одна, вне шумной толпы подруг, и в мастерской все четыре часа до обеденного перерыва просидела, ни на кого не глядя и ни с кем не говоря. За эти четыре часа в ней рождались самые противоречивые и странные желания. То ей думалось, что лучше встать и уйти из школы, чем быть в ней с клеймом сплетницы, то подойти к Марусе, ударить ее по лицу так сильно, чтобы свалился с ее головы бантик, и крикнуть на всю мастерскую: „Она хитрая буржуйка!", то потребовать в ячейке и учкоме увольнения Маруси, но здесь вставал другой вопрос: „А меня-то самое стоит держать, меня-то, может, надо гнать в первую очередь? Я ведь все-таки оказалась сплетницей".

В обеденный перерыв Лиза осталась в школе и, когда все разошлись, тайком, озираясь, убежала в Заштатную улицу к Лужову. Старик был занят работой. Он сидел на низенькой табуреточке перед верстаком и из куска липы оформлял какую-то вещицу. Увидев Лизу, он кивнул ей—садись, мол—и продолжал работать. Липовый кусок был зажат между колен. Лужов острой стамеской обстругивал его. Временами резчик останавливался и глядел через окно, которое было перед ним, на пожелтевший дол, уходящий до горизонта, и на облака, плывущие над ним. Точно в облаках он хотел разглядеть то, что задумал.

Лиза, когда Лужов работал, следила за его волосатыми морщинистыми руками, за сверканьем стамезки, которая разрушала дерево, и думала:

„Изрежет все, и ничего не получится". Потом она вслед за Лужовым глядела на дол и облака, пытаясь что-то увидеть там, но ничего не могла увидеть, кроме желтой травы и облачных верениц. Но Лужов, верно, видел: изгрызанный кусок дерева начал обращаться во что-то похожее на человека. Заметив это, Лиза не могла уж оторваться от волосатых рук, которые мертвому дереву давали живой и интересный облик.

Минуло часа полтора. Лужов разогнул спину, положил стамезку, свое творение поставил на стол и сказал:

— Занятьев у вас нету, что ли?

Лиза на неожиданный вопрос ответила, не подумав, сказать ли правду или умолчать о ней:

— Я ушла самовольно.

— Как же это так? Придешь, требовать за это будут.

И опять не подумав, Лиза рассказала старику, как она оказалась сплетницей и нелюбимой в школе.

Лужов покачал головой и проговорил строго:

— Иди. Если уж провинилась, стыд принять надо,—потом он взял свою работу, подал Лизе и спросил:

— Видно что-нибудь здесь, разглядеть можно?

— Человек будет.

Старик засмеялся.

— Спасибо и на этом. Я хочу вырезать странника. Вчерась иду по городу, а навстречу мне странник—без шапки, с сумкой, волоса ветром разбило, и поет стих.

Я спрашиваю:—„Кого славишь?" Он говорит:—„Жизнь славлю".—„А за что ты ее славишь?"—„За все".

— Пришли мы ко мне, сели на крылечко и поговорили. Странник дюже пожилой, старше моих лет, и рассказал он, что выпала ему в жизни радостная дорога. С женой мирно прожил и схоронил ее, детей породил, и все дети при хороших делах.—„Нужды,—говорит,—во мне никто уж не терпит, отходил я для других, а ноги крепки, и пошел ходить для себя. Не могу я жизнь упрекнуть ни в чем и славлю". Чудной старик, редкой, я и хочу его вырезать.

Лужов говорил, будто Лиза была ему ровней, выжидательно глядел, одобрит ли она его замысел.

— Вырежешь и продашь?

— Может и продам, а может и подарю кому для радости жизни. Ты, девушка, забыла, что за тобой вина?

Девочка смутилась и ушла, а Лужов снова сел за своего „Радостного странника".

Лиза появилась в токарной мастерской и остановилась у порога, оглушенная шумом мотора. Ее заметил Дема и крикнул:

— Иди сюда, погляди, как я кручу,—и парень шибче завертел свой холостой станок.

Лиза махнула на Дему рукой; тогда он подбежал к ней сам.

— Ты чего сердитая?

— Который у нас Андронов, председатель учкома?

— Андронов, спрашивают!—крикнул Дема.—Ты бы, Лизка, переводилась к нам, у нас лучше.

— Я может вовсе уйду из школы.

— Куда? Сдурела?

— Не уйду, так выгонят.

Андронов подошел деловито, смахнул с блузы стружки и сказал:

— Не могла ты в перерыв притти. Говори скорей.

— Сегодня собери учком и поставь мое дело.

— Какое? Сегодня учком назначен.

— Я насплетничала на Кондакову.

— Про Маруську стоит вопрос,—и Андронов ушел к станку.

Марусю и Лизу вызвали в учком. Андронов порылся в папке, нашел какую-то бумажку, сделал строгое лицо и начал:

— В учком поступило заявление про тебя, Маруська, что ты чуждый нам элемент. Что ведешь ты вредную агитацию среди ребят. Пионерке Лизе Соколовой говорила: комсомол, де, ненужная глупость.

— Я не говорила, она насплетничала, все знают, что она сплетница, спроси у девчонок.

— Тебя не спрашивают,—прервал Марусю Андронов.—Говорила ей самые буржуазные слова, и вообще я сам замечал, ставишь себя на высшую линию против других, особенно против ребят.

— Я ничего не ставлю,—нервничала Маруся и трясла ярким бантиком,—с девочками я дружу, а мальчишкам завидно, вот они и говорят „на высшую линию".

— Слово пионерке Соколовой,—об'явил Андронов; он любил подчеркивать, кто пионер или комсомолец, а кто беспартийный.

— Что говорила тебе Кондакова?

— А все, как в заявлении написано, хоть заявление и не я писала, а все там правильно.

— Врет она, я немножко не так говорила.

Андронов ухмыльнулся:

— А может и так!

Маруся отвернулась и ничего не ответила. У нее задрожали ноздри и запрыгали брови. Лиза от волнения и от неловкости покрылась белыми и вперемежку красными пятнами.

— Я считаю заявление подтвердившимся. Кондакова может итти.

Маруся презрительно фыркнула и вышла, хлопнув дверью.

— Соколова Лиза, какое твое дело?—важно об'явил Андронов.

— Я обещалась Маруськины слова никому не передавать, а не стерпела и рассказала Демке, а он кольнул Маруську, и теперь меня все считают сплетницей.

Андронов засмеялся.

— Я думаю, что твоя вина не стоит выеденного яйца.—Нахмурился и, ударяя карандашом по столу, прибавил:—твоя вина другая, надо было не Демке это рассказать, а заявить прямо в учком. Ты—пионерка и должна выявлять разные чуждые и мещанские элементы. В другой раз прямо в учком, в комсомольскую ячейку. Иди.

Но Лизе этого было недостаточно, она хотела не признания своей правоты, а того, чтобы ее перестали считать сплетницей, чуждаться ее, изгонять из своей среды.

— Со мной никто не говорит, надо мной смеются, меня не считают подружкой.

— Иди, иди, все устроим.

Учком постановил вопрос о Кондаковой Марусе перенести на общее собрание и там найти меры, какими перевоспитать ее.

Но Маруся не пожелала перевоспитываться, не пожелала, чтобы на общем собрании „перемывали ей косточки", и уволилась из школы. Общее собрание все-таки состоялось; там Андронов долго разъяснял, что в поведении Лизы не было ничего дурного и что сплетница она никакая.

— Напротив, так и надо, не молчать о чуждых элементах, о примазавшихся, а выставлять их напоказ и бороться с ними. Не только пионер и комсомолец, а всякий сознательный школьник, близкий, сочувствующий нам, не должен потрафлять разным уклонщикам.

После собрания отношение подружек к Лизе изменилось.

Большинство совершенно искренне снова приняло ее в свой круг. Гудков вскоре был введен в учком. Он написал заявление о Кондаковой, и сообразительный Андронов сразу увидел в нем ревность и заботу о поведении и мыслях товарищей. Лисица по этому поводу много острил:

— О-го, в учком попал, с тобой не шути, ты, пожалуй, и в судьи пройдешь,—Лисица почему-то судей считал самыми могущественными людьми.—Тетрадочка-то твоя не простая, она тебя далеко поведет.

(Продолжение следует)

К ЧИТАТЕЛЯМ!

В ближайших номерах „ПИОНЕРА" мы начинаем обсуждение „Демида Шапкина". Собирайтесь в звеньях, отрядах, школах и выносите свое мнение об этой повести, о затронутых в ней вопросах.

Ждем откликов!

ПОЧЕМУ ЛЮДИ ПОЮТ?

Очерк Н. ЛЕОНОВА
Рис. М. АСКИНАЗИ

1

Было время, когда по Волге большие груженые барки передвигались силой человеческих мышц. Люди запрягались в лямки и тянули против воды купеческие суда с товарами. Звали этих людей „бурлаками".

Поэт наш, Некрасов, в одном из стихотворений своих так изобразил бурлака:

Плечами, грудью и спиной
тянул он барку бечевой.
Полдневный жар его палил,
и пот с него ручьями лил.
И падал он, и вновь вставал,
хрипя „Дубинушку" стонал.

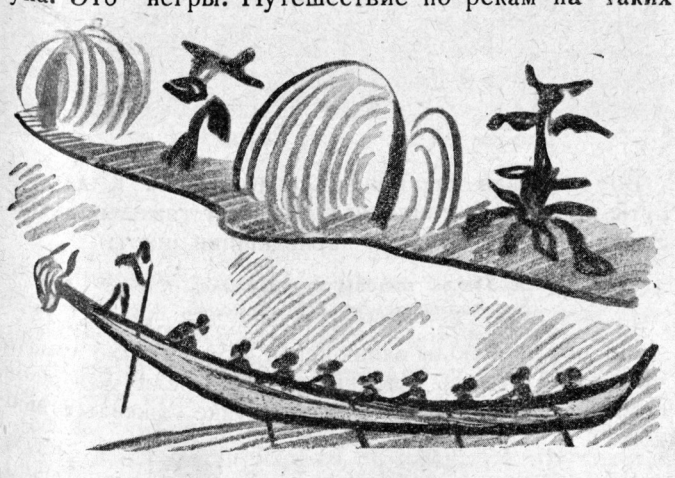
„Дубинушка"—это бурлацкая песня. Песню эту сложили бурлаки и пели они ее не у ночных костров, не на отдыхе. Нет. Бурлаки пели „Дубинушку", шагая по берегу, надрываясь от натуги. Мы знаем несколько таких бурлацких песен, которые пелись ими во время работы. Вот, вслушайтесь в одну из них:

Эй, ухнем. Эй, ухнем.
Еще разик, еще да раз.
Разовьем мы березу,
Разовьем мы кудряву.
Ай-да, да ай-да! Разовьем
Ай-да, да ай-да кудряву.
Эй, ухнем. Эй, ухнем.
Еще разик, еще да раз.

Если вам приходилось слышать, как поют эту песню, то припомните ее мотив. Как вы думаете: был ли какой-нибудь смысл в этом нудном пеньи бурлаков. Вы подумайте, а я, прежде чем ответить на вопрос, расскажу вам еще о певцах-тружениках.

2

Перенеситесь в другую страну. Вместо песчаных отмелей, бледного неба, серовато-голубой русской реки и бородатых знакомых лиц, вы увидите необычайно длинную лодку, скользящую по ярко-зеленой воде, между берегов, заросших невиданно-раскошными деревьями. В лодке много черных гребцов, обнаженные тела которых, кажется, вылиты из чугуна. Это—негры. Путешествие по рекам на таких лодках длится неделями под палящими лучами ненашего солнца.



Гребцы в такт сгибаются и гребут. Они истомлены, но они напевают:

Тяните.
Нажимайте.
Держите такт.
Опускайте в воду.
Остановитесь.
Сильнее [1].

Звучит песня—и все сорок, пятьдесят весел одновременно, без малейшего замешательства опускаются в прогретую зеленую воду и одновременно вздымаются вверх. Один путешественник говорит про африканских негров: „Негры, живущие по реке Нигеру, ни одного взмаха веслом не могут сделать без песни".

3

Из Африки перенесемся в Китай. Перед нами гладь Желтой реки. В ветренный день во всех направлениях по реке скользят китайские лодки-джонки, оснащенные причудливыми парусами. Китайцы часто ездят по своим речным дорогам. В дни полного затишья, когда паруса беспомощно свисают вдоль мачт, китайские джонки передвигаются по воде с помощью мускульной силы. Тогда над рекой звучат песни гребцов. Правда, китайские гребцы поют немного иначе, чем поют негры. Чернокожие большей частью придумывают слова во время самого пенья или, как говорят, „импровизируют". Китайцы—народ, который уже с давних времен обладает большой культурой. Поэтому у китайских лодочников есть много песен, переходящих из поколения в поколение. Если бы нам с вами случилось плыть на китайской джонке в тихую погоду, то мы могли бы увидеть такую картину: шесть пар гребцов опускают и подымают свои весла в такт песне. Пели бы гребцы не все сразу, а поочереди—сперва сидящие по левому борту, потом—по правому. Один же из отдыхающих (по-очереди) ударял бы в такт пенью в медную звучащую тарелку—гонг.

Вот одна из самых любимых песен китайских лодочников:

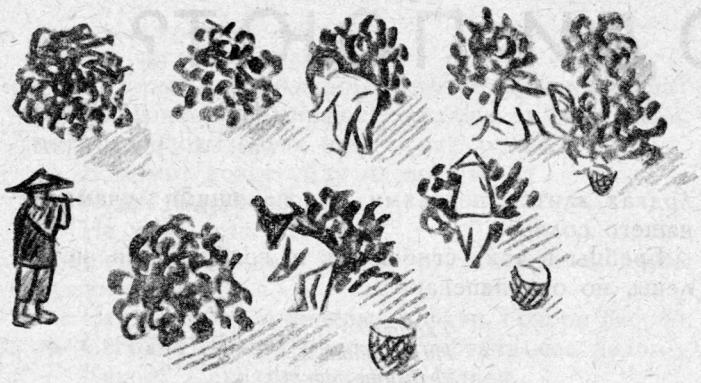
Левая сторона (поет)
Юн и бодр я край родной покинул,
Но теперь вернулся стариком.
Ум и лик мой изменились мало,
Но седою стала голова.

Правая сторона (поет)
Сына я оставил здесь младенцем,
Ныне—он цветущим стал юнцом.
Вот стою я на родном пороге—
Дом лишь мой остался тем же.

Левая сторона (поет)
Из ворот выходит статный отрок,
Но отца, увы, не узнает.
И ему с приветливым поклоном
Говорит: „Откуда, сударь, вы".

Говорят, что подобные песни наводят на китайских гребцов тоску по родному дому, и они гребут

[1] Трудовые песни и примеры заимствованы из книги Бюхера „Работа и ритм".



с большим напряжением. А джонка плавно скользит под равномерные (ритмичные) удары звучного гонга.

4

...Наша джонка причалила к берегу. Распростившись с гребцами, мы подымаемся извилистой дорогой в гору. Склоны холмов покрыты чайными кустами, сквозь ряды которых проступают пятна красноватой почвы. Холмы становятся все круче и круче. По крутизнам, меж чайными кустами бродят сборщицы листьев. С левой стороны, недалеко от дороги мы слышим мелодичную песенку—это хозяин участка играет на дудочке, сделанной из бамбука, а сборщицы-поденщицы подтягивают:

Восходя на западную гору,
мы срываем чайные листочки...

Женщины, обливаясь потом, напевают с неменьшим старанием, нежели работают. Они знают, что и хозяин ценит певуний—под песню лучше работается. Расчетливый хозяин считает даже, что та работница, которая хорошо поет, будет хорошо работать.

Ободряя друг друга, сборщицы чайных листьев напевают:

Небо сумрачно, и жуткая тьма застилает вершину горы,
Трудно срывать росистые листья и темные бутоны цветов.
Мы не знаем, для кого, для утоления чьей жажды
Мы ежедневно мучимся, ободряя друг друга словами: „спеши“

5

Так бывает при сборе чайных листьев. Но с тем же самым желанием помочь работе песней мы встретились бы и при посадке риса.

...Большое поле, покрытое жирным, жидким илом, блестит на солнце. Увязая в топкой грязи по щиколотку, движется ряд полуголых мужчин и женщин. У каждого в руках тоненькие побеги риса—им предстоит засадить ими поле. Весь ряд, как один человек, равномерно отступает назад, втыкая побеги в жидкий ил. Сохраняется удивительный порядок. Ни один не обгоняет другого. Сгибаются, сажают и переступают—все вместе.

Над полями звучат слова песни:

Мы собрались здесь.
Во-время мы сажаем и сеем.
Мы просим о дожде.

Так бывает и у китайцев, и у индусов, и у других народов. Соберутся мужчины и женщины всего поселка и по-очереди, оказывая „помочь“, работают на полях друг у друга. Собираются большие группы людей, нередко, может быть, в жизни между собою ссорящихся. Но посторонний наблюдатель невольно подивится тому, как единодушно, как складно и гладко идет у них работа. Кто же тому причина? Кто ими руководит? Кто внушает им этот порядок?

6

В сухих степях, где земледелие невозможно, люди добывают себе пропитание разведением скота и овец.

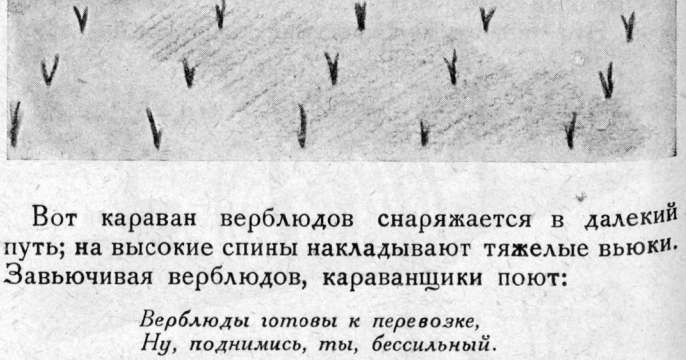
В тех местах, где овцеводство основное занятие жителей, стрижка шерсти занимает важное место в годовом календаре работ овцевода и требует большой сноровки.

Едва ли можно думать, что стрижка доставляет овцам какое-нибудь удовольствие. Они всячески стараются ускользнуть от неприятных ножниц. Можно себе представить, сколько шуму должно было быть при стрижке овечьих стад в сотни, в тысячи голов. Сколько усилий надо было бы, чтобы удержать овцу на одном месте. Но вот какую картину можно нарисовать по рассказам путешественников.

Происходит стрижка овец. Равномерно позвякивают ножницы. Овцы лежат тихо, а женщины поют непрерывно во все время стрижки:

Дай мне обстричь тебя,
Моя черноголовая;
Дай мне обстричь тебя:
Шерсть твоя шелковая,
Мягко твое руно.

Скотоводы утверждают, что пенье действует на животных—овцы лежат спокойно при стрижке, коровы мирно стоят при дойке, а верблюды размеренно шагают с тяжелыми вьюками под пенье своих погонщиков.



Вот караван верблюдов снаряжается в далекий путь; на высокие спины накладывают тяжелые вьюки. Завьючивая верблюдов, караванщики поют:

Верблюды готовы к перевозке,
Ну, поднимись, ты, бессильный.

Но вот верблюды завьючены. Можно было думать, что люди теперь смолкнут—ведь пели для себя, помогая себе песней при нагрузке тяжелых вьюков.

Караван выходит из селения в открытую степь в пустыню. Животные идут еще неровно, не попадая в ногу, одни спешат, другие отстают. Как уравнять их шаг.

Погонщики заводят песню:

Блистают ноги кольцами,
Весь в бубенцах ты.
Несешь уставшего
Ты вместе с кладью.
О, девушка,
Не жалуйся, не плачь,
Верблюды твоего отца
Всех обогнали.

И вот караван вытягивается в ровную ниточку Величавые животные, умные, понятливые, внимая песне погонщиков, выравнивают шаг. Говорят, что верблюды лучше всех других животных подчиняются песенному ритму.

7

Конечно, люди не сразу дошли до складных песен. Не сразу они догадались, что песня может помочь работе. Песня родилась сама собой. И родилась песня сперва из бессмысленных восклицаний.

Человек рубил дерево. После каждого крепкого удара он громко вздыхал или покрякивал. Эти звуки были связаны с работой.

Рабочие движения совершались в особом порядке. Работа имела свой ритм, равномерность. Внимая ритму работы, человек стал вздыхать, покрякивать, вскрикивать в такт своим рабочим движения. В отдельности эти вскрики были бессмысленны, но сочетание их имело смысл, имело свою равномерность.

И вот человек, вместо бессмысленных вскриков, стал сочетать слова. Получилась песня. Песня стала выражать мысли и чувства. Но главным в этих песнях оставался попрежнему ритм, такт. Песни помогали людям работать равномерно, в порядке. Песня была одним из ранних видов искусства—музыки и поэзии. Так искусство родилось из работы.

8

Люди подметили, что песня может помочь им не только в работе. Кто из вас не замечал, что песня помогает при переходах—песня размеряет шаг идущих. Так появились песни у воинов.

Подметив воздействие песни и музыки на животных, люди стали петь и в тех случаях, когда им надо было заглушить боль, возбудить бодрость.

Вам, наверное, приходилось слышать, что некоторые племена украшают свое тело **татуировкой**. Молодому человеку (или девушке) обнажают грудь или спину, и художники-татуировщики особой палочкой с костяным острием на конце накалывают узоры. Перед каждым уколом они обмакивают палочку в краску и, наставив, куда следует, острие, ударяют по палочке молоточком.

Чтобы смягчить боль и облегчить работу татуировщика, присутствующие все время поют:

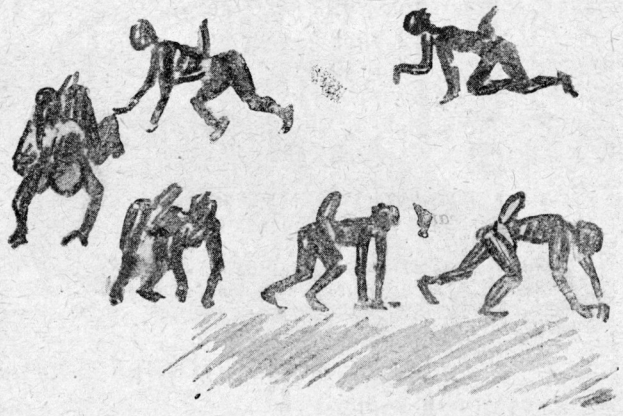
Мы все садимся кругом,
Пируем все друг с другом,
Мы смотрим на узоры... и т. д.

У австралийцев существует дикий обычай—делать надрезы ножом на спине девушки, когда она становится невестой. Такие действия длятся часами, а присутствующие при этом поют:

Боль, боль, молчи.
Прочь уйди.
Боль, боль, утихай.

Здесь мы уже подходим к тому, что песне и танцу суеверные люди придают таинственную силу, способную исцелять.

Вполне понятно, что, создав песнь под ритм работы, люди захотели ее использовать и для развлечений. Под ритм песни люди стали делать движения ради забавы. Вначале они попросту подражали своим движениям в работе: земледельцы подражали своим собственным движениям при посеве, при жатве и прочих работах, охотники в первых танцах изображали, как они преследовали животных, изображали самих животных; так под песню родился танец.



9

На этом пора кончить. Мы задались вопросом—был ли какой-нибудь смысл в хриплой песне волжских бурлаков, когда, изнемогая от натуги, они все же тянули свою „Дубинушку". Мы познакомились с песнями жителей Китая, Индии, Африки и других стран, и всюду мы видели одно и то же: на работе люди всюду поют. Почему?

Но прошли года, десятки, сотни лет. Первые „рабочие" песни, состоявшие вначале из набора бессмысленных слов и вскриков, но соединенные в ритмическом порядке, развились в песни. Песня стала жить самостоятельной жизнью. В песне, в слове, в музыке, в танце люди нашли способ выражать свои чувства, свои мысли, свои переживания так, чтобы дать возможность почувствовать их и другим людям. Об'единив людей на работах, песня стала об'единять их и в часы досуга.

КИП

ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР

№ 5

ЧТО ТАКОЕ ИНЖЕНЕР-ПИОНЕР? ПИОНЕР, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ СТАТЬ ИНЖЕНЕРОМ, ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ.

Из устава КИП'а

ИЗВЕСТИЯ КЛУБА ИНЖЕНЕР-ПИОНЕРОВ

О ЖИВЫХ И МЕХАНИЧЕСКИХ ЛОШАДЯХ

Какая лошадь работает лучше: живая или механическая?

У живой лошади то преимущество, что она не боится перегрузки. Ни одна машина не выдержит двойной или тройной перегрузки, а лошадь выдерживает—конечно, недолгое время. Но зато во всем остальном механическая лошадь лучше живой.

Ест механическая лошадь более дешевую пищу—не овес, а уголь или нефть. Погонщика своего—машиниста — слушается беспрекословно. В «упряжке» работает так хорошо, что лучше и быть не может. Все тридцать лошадиных сил автомобиля работают, как одна. А попробуйте запрячь в телегу тридцать живых лошадей? Одна лошадь будет мешать другой—то одна дернет, то другая. Толку будет мало. Подсчитали, что шестиконная запряжка работает не лучше, чем четырехконная: две лишних лошади не дают никакого увеличения силы. Больше четырех лошадей поэтому в одну телегу впрягать не имеет смысла. А механических лошадей можно впрягать вместе сколько угодно. Паровозы существуют в две тысячи сил, электровозы — в 4.500 сил, паровые турбины в 200 тысяч сил (рис. 1 и 2). А как мало места занимают эти сотни и тысячи механических лошадей?

Если бы механические «лошади» занимали столько же места, сколько живые, автомобильный мотор был бы величиной с дом, а паровоз был бы выше Исаакиевского собора в Ленинграде (См. рис. 3).

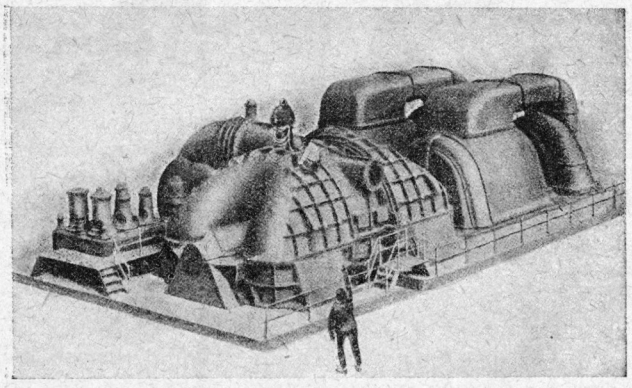
В самом деле, паровоз в 2.000 лошадиных сил весит 100 тонн. Это значит, что каждая его «лошадь» весит только 50 кг. А настоящая живая лошадь весит 800—900 кг, раз в 18 больше.

Еще легче аэропланные моторы. Мотор в 500 сил весит всего 500 кг. Значит, аэропланная «лошадь» весит только одно кило. Если бы существовали такие маленькие живые лошадки, их можно было бы носить в кармане.

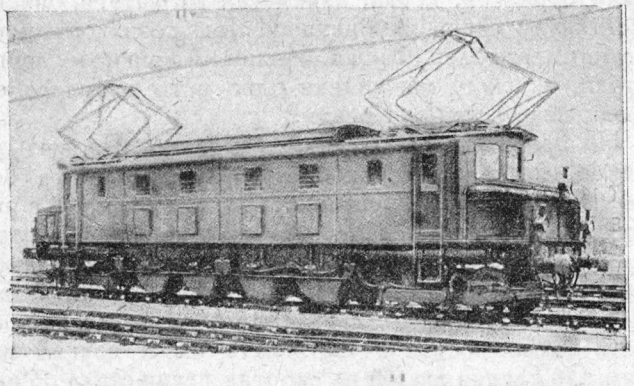
Если бы механические лошади занимали столько же места, сколько живые, автомобиль был бы величиной с дом.

С каждым годом механические лошадки становятся все меньше и легче. Уменьшить вес и увеличить мощность двигателя—вот к чему стремятся изобретатели. Десятки раз проверяет изобретатель свой расчет: нет ли где лишней гайки, нельзя ли сделать стенки еще тоньше, раму еще легче. Мертвый, бесполезный вес—самый опасный враг. Мертвый вес тянет аэроплан к земле, замедляет бег автомобиля, удорожает постройку фабрики.

Не величина, а сила, не количество, а качество—вот о чем должен помнить, о чем должен заботиться каждый техник, каждый изобретатель.



Паровая турбина в 200.000 лошадиных сил. Как мало места занимают эти двести тысяч лошадей!



Электровоз мощностью в 4.000 лошадиных сил. Возит поезда на электрической железной дороге Париж—Орлеан.

ЧЛЕНЫ КИП'а О СВОЕМ КЛУБЕ

Женя Хохлова (г. Богородск, Ниж. губ.) пишет: «Я решила стать членом КИП'а. КИП мне в целом нравится. Почаще следует печатать в нем «Фабрику на столе».

Александр Белоцерковский (с. Романовка, Нижне-Волжский край) пишет:

«Мне лучше всего нравятся «Лаборатория», «Кино» «Фабрика на столе». Все отделы КИП'а, взятые вместе, меня очень удовлетворяют. Хорошо было бы, если бы вы напечатали в отделе КИП'а, как описывать модели и прочие предметы, посылка их на конкурс, и какие нужно чертить чертежи».

О том, как описывать и вычерчивать модели, напишем в одном из ближайших номеров. Члены КИП'а, присылайте заметки, предложения, работайте в клубе активно.

Зав. клубом инженер Ильин

ЗАЩИТА ПРОЕКТА

В № 4 „Пионера“ был помещен проект ангара для двух самолетов. Мы получили от членов КИП‘а ряд возражений и поправок. Вот они:

1. Автор проекта пишет: „отапливать ангар мы не будем“. Почему? Если ангар не отапливать, в нем зимой будет очень холодно.

2. Ворота в ангаре сделаны огромные. Вышина створок 9 метров, ширина 13 метров. Такие тяжелые ворота невозможно будет ни открыть, ни закрыть.

3. Автор проекта пишет: „можно сделать стены из волнистого железа“. А почему не сделать их из дерева? Ведь дерево дешевле и не ржавеет.

4. Не тесно ли будет в ангаре? Автор оставляет для мастерской полоску шириной в четыре метра. Не мало ли?

Возражения эти мы послали по почте автору проекта. Вот что он нам ответил:

1. Отапливать ангар не стоит. Когда самолет вводят с холода в теплый ангар, самолет отпотевает, а это ему вредно. Так говорят знающие люди. И затем, такое большое здание отапливать трудно — дорого обойдется. Все тепло все равно уйдет, как только откроют двери.

2. Ворота можно открывать не руками, а механическим способом, с помощью электромотора.

3. Дерево не годится. Если сгорит, будет большой убыток. Чтобы железо не ржавело, его надо покрасить.

4. В ангаре, правда, тесновато. Мастерскую лучше устроить отдельно, а в ангаре делать только мелкий ремонт.

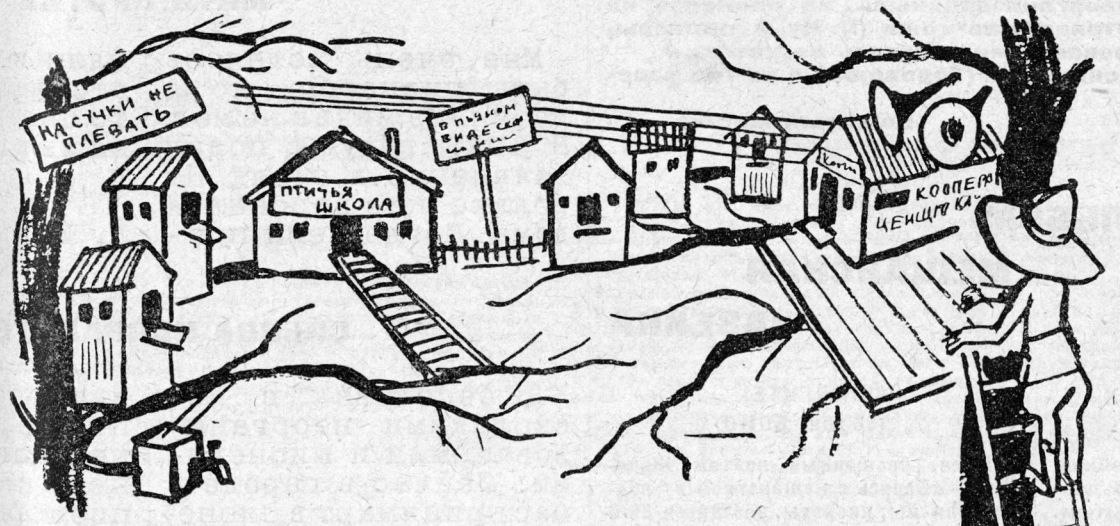
Члены КИП‘а, вы выслушали возражения, сделанные автору, и его ответы.

Считаете ли вы, что автор защитил свой проект? Нет ли у вас еще возражений? В следующем номере мы сообщим, кто автор проекта.

КОНКУРС КИП‘а

На первый конкурс КИП‘а (см. № 2 журнала «Пионер») прислано пока 5 моделей мостов из спичек. Члены КИП‘а, делайте из спичек мосты и присылайте в редакцию на конкурс. Вместо моделей можно присылать подробные чертежи или снимки.

Результаты конкурса будут об‘явлены в одном из следующих номеров КИП‘а.



ПЕРЕВОРОТ В ТЕХНИКЕ!!!

КУЗЬКА ВСТУПИЛ В ЧЛЕНЫ КИП‘а.

На-днях дверь моего кабинета отворилась и в нее протиснулась большая шляпа. Из-под шляпы высунулись две руки, подшляпный голос произнес— „во! и во!“, и руки положили на стол два пакета.

В одном пакете было заявление Кузьки о вступлении в КИП, а в другом — два проекта

Оба проекта печатаются в этом номере журнала; об‘яснения писал Арк. Бухов, под Кузькину диктовку.

Члены КИП‘а! Следуйте примеру Кузьки! Пишите нам о своих изобретениях.

Зав. КИП‘ом М. Ильин

Апрель 1929 г.

ЧЛЕНЫ КИП‘А

ВСЕ ЧИТАТЕЛИ „ПИОНЕРА“, ШЛИТЕ ВАШИ ОТКЛИКИ!

О ПТИЦАХ

Птица тоже человек—решил Кузька, почувствовав, что пришла весна.—И о ней позаботиться надо...

И вот в ожидании весеннего прилета птиц Кузька заготовил специальный птичий городок, по всем требованиям науки, техники, а также птичьего быта.

„Здесь будут птичьи ясли,—записывал он в записную книжку во время осмотра птичьего городка,—чтобы молодые скворчики могли оставлять птенцов... Здесь птичье кино для взрослых синиц, а здесь—для молодых галчат... Здесь площадка для птичьего футбола... Здесь общественная столовая для престарелых зябликов... Здесь вечерние курсы для неграмотных дятлов... Здесь птичий кооператив «Центроклюв»... Здесь гнездораспределительный пункт“...

Живо наделал Кузька и необходимые плакаты:

ВЛЕТАТЬ БЕЗ ДОКЛАДА ВОСПРЕЩАЕТСЯ

СКВОРЦЫ В ПЬЯНОМ ВИДЕ В СКВОРЕШНИКИ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ

ЛЕТЯ С СОЛОМИНКОЙ ВО РТУ — ДЕРЖИСЬ ПРАВОЙ СТОРОНЫ

ПРОСЯТ НЕ ПЛЕВАТЬ НА ВЕТКИ

и т. д.

Птицы Кузьминского района могут быть совершенно спокойны: для них все приготовлено,—и Кузька вздохнул с облегчением:

— Свой птичий долг я выполнил... Посмотрим, что сделали другие.

Бумеранг

Апрель Стенгазета читателей „Пионера“ № 8

Р-Р-ЕБЯТА!

Совсем нам не нужен альбом, сдавайте альбомы в бумажный лом! Выпускайте „Пачки“, „Метелки“ и „Бритвы“— с альбомом, с мещанством ведите битву.

В Касимове плох отряд, плох и вожатый,—потому и не идут в отряд неорганизованные ребята. Неужели вам, касимовские пионеры, хулиганить не надоело? И когда же, наконец, вы возьметесь за дело?

А боровический пионеротряд неорганизованных принять был бы рад. Да... неорганизованные... на пионеров не похожи и поэтому для отряда... не гожи (!). Ну и пионеры, ну и отряд!! С неорганизованными работать не хотят...

Ну, ребята, пока до свиданья! (Тороплюсь я на три заседания).

Вожатый Мишка

АЛЬБОМ — МЕЩАНСКАЯ ЛАЗЕЙКА

В АЛЬБОМНЫХ СТИХАХ

Слова Жарова совершенно верны: «альбом—мещанская лазейка». Все эти стихи пахнут чем-то давным давно прошедшим и забытым. Это могло существовать в гимназиях и вообще при другом совершенно строе, а у нас до сих пор пионеры и школьники отнимают у себя время от занятий и занимаются альбомными выдумками. На мой взгляд, такие альбомы, т. е. с такими стихами и иллюстрациями, должны наши советские школьники и пионеры забыть. Альбомы не обязательно для стихов, они могут послужить для чего-нибудь более полезного, например, для каких-нибудь зарисовок с натуры, набросков и т. д. Мое предложение ко всем пионерам такое: давайте бросим держать такие глупости в голове.

А. Гай

ПОМОГИТЕ!
(36 шк. БОНО)

Клич, брошенный поэтом Жаровым,—«Борись с мещанством!»—подхватили мы, пионеры, учащиеся 36-й шк. БОНО, и решили в ударном порядке выпустить стенгазету. Назвали мы ее «БРИТВА».

В ней протащили пудрившихся, мажущихся девчат, пижонистых мальчишек, учителей, замеченных в мещанстве, и пионеров, не достойных своего звания. Мнения о газете были разные: одни восхищались газетой, за ее правоту, другие злорадствовали, третьи говорили, что в газете были только сплетни, а некоторые учителя называли газету «безобразием».

Редколлегия школьной газеты «Вперед» стала сейчас же собирать мнения о «Бритве», а ребята, протащенные в газете, и их сторонники хотят выпустить «Бритву Бритве».

Редколлегия «БРИТВЫ»

„ДОЛОЙ МЕЩАНСТВО!"

Ребята, я думаю, что альбомы нам нужны, но не такие, какие находятся у пионерок и даже мальчиков. Там только и пишут: «лю-лю-лю, я тебя люблю»... Это мещанство, нам с мещанством не по дороге; будем бороться с ним.

Альбомы можно заводить такие: сочинение собственных хороших стихов, свои рисунки и рисунки товарищей; альбом хороших песен, альбом своего творчества (вырезки своих заметок из газет, из журнала не советую) и т. д.

Николай МАТЮНИН

Гор. Лебедянь

?ПОЧЕМУ РЕБЯТА НЕ ЗАПИСЫВАЮТСЯ В ПИОНЕРСКИЕ ОТРЯДЫ?

РЕБЯТА! ПРОВОДИТЕ В ШКОЛАХ ДИСПУТЫ НА ТЕМУ **ПОЧЕМУ? Я НЕ ПИОНЕР?**

МАТЬ ПРОТИВ

Мне очень хотелось быть пионером, но я вступить никак не мог. В 1927 году я подал заявление в отряд. Но только я не спросился дома. Когда меня приняли в пионеры и про это узнала моя мать, то она вынула меня из пионеров.

В. Титов

Д. Марьина

СПЕРВА ИСПРАВЬТЕСЬ

Я беседовал с несколькими неорганизованными и пионерами. Сейчас в городе у нас принимают в пионеры тех, кто что-нибудь умеет делать и хорошо себя ведет. Неорганизованные ребята большей частью любят побузить и поэтому пионеры дают им задание: вот исправишь свое поведение, тогда и примем в пионеры. Другие же не решаются вступить, потому что мало интересуются работой пионеров. Таких не много. Которых неорганизованных пионеры принимают в свою организацию, потому что отвыкли от старых привычек, т. е. курения, хулиганства и т. д. воспитанием же неорганизованных пионеры мало занимаются, они сами исправляются.

С. ФУРАЕВ

г. Боровичи

Ночь таинственную к ночи
Притаили сосны.
Расчесать им ветер хочет
Иглистые космы.
Скоро, скоро летний вечер
Упадет на нивы,
И напудрит пылью ветер
Молодые ивы.

Одесса

Николай КОНОВАЛОВ

ЖИВЫЕ ДЕЛА

В с. Александровом-Гае ученики 2-го и 3-го классов ШКМ работают на триере, очищая крестьянам зерно для посева. Такая работа ведется не только в Александровом-Гае: ученики ШКМ ездят на очистку семян и в ближайшие хутора.

Егор ЕГОРОВ

С. Александров-Гай

★

В сл. Самойловке ячейка ОДН при школе II ступени и пионеротряд обучают неграмотных. Скоро в Самойловке совсем не будет неграмотных.

М. ГУРИН

Сл. Самойловка

★

Хорошо работает пионеротряд при Мартовском педтехникуме в г. Пошкар-Ола. На субботнике в помощь школе они пилили дрова и заработали 24 рубля; участвовали в культпоходе, носят галстуки, выписывают журнал «Пионер» и «Пионерскую Правду». Хорошо проводит отряд и досуг: есть шумовой оркестр, устраивались конькобежные соревнования и т. д.

Г. АГАПОВ

Пошкар-Ола

★

Мы, пионеры отряда им. тов. Рыкова, решили собирать в школе лишние деньги и класть в сберкассу. Собрали уже 12 руб. и думаем еще собрать. На эти деньги мы хотим с'ездить на экскурсию в г. Казань.

Н. ТУТИЕДОВ

С. Ковали

★

По совету редакции «Пионера» мы провели с большим успехом диспут по бытовым вопросам, обсуждаемым на страницах журнала. Выяснилось, что многие ребята не разговаривают друг с другом, увлекаются плохими романами и т. д. После диспута эти недостатки искореняются. Скоро проведем другой диспут на тему «Кем я хочу быть».

М. БАРМОШ

Г. Смела

★

Помогать бедным школьникам надо не на словах, а на деле. Для этого в нашей школе собрали с более обеспеченных ребят деньги на горячие завтраки, а бедняков кормят бесплатно.

«ЗАБЫТЫЙ»

С. Маркушино

Хочу переписываться

БЕЛОВ ИВАН — КАЗАКСТАН, СЕЛО ВАННОВКА, БЕЛОВОДСКОГО РАЙОНА, СЫР-ДАРЬИНСКОЙ ГУБ.

ШИШКИН МИХАИЛ — СЕЛО БЫКОВО, БАЛАШОВСКОГО ОКРУГА, НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО КРАЯ. ПИОНЕРОТРЯД ИМ. ОКТЯБРЯ, №1, ЗВЕНО №3.

ЛУНИН ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ — П/О ЛУКОВЕЦ, ОРЛОВСКОГО ОКРУГА, МАЛОАРХАНГЕЛЬСКОГО РАЙОНА, СЕЛО ГНИЛАЯ ПЛАТА.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПЕТР — А.Ч.С.С.Р. С. Б-БАТЫРЕВО, БАТЫРЕВСКОГО РАЙОНА СОВ. БОЛЬНИЦА.

НОВИКОВ ВЛАДИМИР — СТ. БУГНАР М-К. Ж. Д. ШКОЛА ПЯТИЛЕТКА.

ГОЛОШЕКИН БОРИС — ЛЕНИНГРАД, ПУШКИНСКАЯ, 14 КВ. 17.

Камчатка

КУЗЬКА НАБЛЮДАЕТ

— Куда мы идем, до чего дойдем!— грустно вздохнул Кузька, наблюдая за своими приятелями,—и это пионеры...

И действительно, жуткая картина стояла перед глазами Кузьки. Вот пионер Полузайцев, который курит, еще не зная, каким концом взять папиросу в рот и что с ней делать—сжевать ее или пустить дым колечком... Вот пионерка Шура пудрится через каждые две минуты и до того запудрила себя, что без бинокля не различишь, где у нее глаза, где ухо, и ею самой вместо мела можно писать на доске. Вот целая компания дерется уже полчаса, еще не зная, кто кого и за что бьет, и по количеству синяков выясняются победители, причем синяк на носу считается за два очка, а синяк на коленке—за полтора..

Вот кто-то с упоением грызет ногти, точно его пальцы сделаны из сливочного торта...

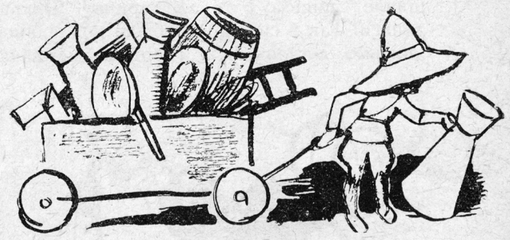
— Куда мы идем, до чего дойдем!— грустно вздыхает Кузька.—Нет. Конец. С этим надо решительно бороться.

И вдруг гениальная мысль осенила юную голову Кузьки.

— Конец кустарному способу исправления. Здесь нужны механические способы. Здесь нужны машины!

И Кузька зажегся творческим восторгом.

Кузька везет тачку



— Ничто в природе не пропадает даром,— восторженно шептал Кузька, везя за собой тачку с какими-то странными предметами.—Все можно использовать! Пусть другие выписывают оборудование из-за границы—я справлюсь и с местной продукцией... Приложите к моему гению несколько уличных урн, дверных ручек, самоварных труб, ложек, кастрюлек, и вы увидите, на что способен Кузька! Дорогу изобретателю! — Собрав все необходимое, Кузька отправился в КИП, подал там проект и принялся за дело

Библиотека Бумеранга

ВЕСНА ИДЕТ!

Уж не так много времени осталось до наступления весны. Всем пионеротрядам, имеющим кружки юннатов, и отдельным ребятам, интересующимся изучением природы—нужно подумать о подготовке к весенне-летней работе.

Как снаряжаться в небольшую и продолжительную экскурсию? Что с собой брать? Как самому сшить заплечный (походный) мешок? Как сделать самому ботанизирку (коробку для собирания насекомых, растений), сачок для ловли бабочки прочие необходимые каждому экскурсанту вещи? Какие топографические знаки необходимо знать для того, чтобы быстро разобраться по карте? Как вести записки наблюдений?

Обо всем этом ответы можно найти в книжке Н. Солнцева „Снаряжение натуралиста-экскурсанта“ (библиотечка журнала „Знание—Сила“, изд. „Мол. Гвардия“, 48 стр., с 32 рис., цена 20 коп.).

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГАЗЕТАМ

Очерки газетного путешественника Л. КАССИЛЯ
Рис. А. КАНЕВСКОГО

Фальшбумтрест или бомба в „Пионере“

Вот, ребята, сейчас мы говорили о разных наших фабриках и заводах. На этих фабриках выделывают всякие необходимые вещи, начиная от кастрюли или радио-приемника и кончая штанами или трамваем. Но вот за границей есть фабрика, так фабрика! Куда нам! Разве угонишься за европейской техникой? Изготовляет эта фабрика не сосиски, не зубочистки, не скрипки, не прививки от бешенства, не танцующие куклы, не охотничьи плетки, не пудру, не сигары, не коньки на колесиках, а... Ну, как вы думаете? Что? Сказать? Ну, ладно. Изготовляются там, на этой фабрике, в городе Берлине, фальшивки. Что? Да, да. Фальшивки. Фальшивые бумажки. поддельные документы. Работают на фабрике бывшие русские царские офицеры, бело-эмигранты, унесшие свои ноги из советской России. Целый трест фальшивых бумажек—фальшбумтрест. Покупателями „товара“ являются все буржуазные министры, правители капиталистических стран и вожди „свободных“ партий. Приезжает, эдак, на фабрику какой-нибудь элегантный министр.

— Э... э... видите ли... У нас скоро выборы в парламент, так нельзя ли какое-нибудь письмецо от Коминтерна, чтоб подбросить к коммунистам, а потом арестовать их за это?

— Это мы могим! От кого прикажете?

— Можно от Бухарина?

— В... Позвольте задаточек.

Сторговались. Министр получает с фабрики фальшивое письмо от Бухарина. Фальшбумтрест—деньги. Так в свое время было подделано знаменитое „письмо Зиновьева“. Твердолобые заказали его у

фальшбумтреста, а потом орали на всю Англию, на весь мир, размахивая фальшивой бумажкой:

— Вот! Глядите! Зиновьев из Москвы командует нашими коммунистами... подкупает наших солдат.

Хотя весь мир знал, что письмо - грубый подлог, тем не менее фальшбумтрест процветал. Недавно американский сенатор Бора позволил себе доброжелательно отозваться о СССР. Сейчас же фальшбумтрест получил заказ сфабриковать письмо, доказывающее, что сенатор Бора подкуплен коммунистами. Заказ был выполнен, но попал в руки одному американскому журналисту. Тот поднял шум. Фальшбумтрест был разоблачен. Полиция, кряхтя, с великой неохотой предприняла несколько вялых шагов Во главе фальшбумтреста оказался некий Орлов, известный белогвардеец и контрреволюционер. У него были найдены поддельные печати, фальшивки и т. д. Говорят еще, что было найдено много готовых „писем“ от Калинина, Ворошилова. Письмо Льва Толстого к новозеландским коммунистам, письмо Минского родильного дома к Аманулле, тайное послание похоронного бюро МКХ к коммунистам Южного полюса и сообщение, что в каждой странице журнала „ПИОНЕР“ заклеено по бомбе... Осторожнее, ребята! Возможно, что под этим восклицательным знаком находится бомба. Не верите? А вот образованные, культурные министры, люди „государственного ума“, верили. Да нет! Они тоже не верили. Им надо было только одурачить рабочих, изобразить коммунистов разбойниками, поджигателями и заговорщиками. Полиция не арестовала Орлова. Зачем ей арестовывать этих сотрудников? Орлов может пригодиться социал-демократической полиции.

...а хвост пистолетом

„Добрый американский дядюшка“, министр иностранных дел Соединенных Штатов мистер Келлог, очень заботится о мире. Он предложил считать войну очень нехорошим делом и делать вид, что ее вообще больше не существует в природе. Капиталисты, подписывая его предложение, как будто бы запрещающее войну, чувствуют себя благодетелями человечества. Слезы умиления сочатся из-под моноклей. Слезы умиления капают на знаменитую бумажку:

— Пакт!.. Пакт!.. Пакт!..

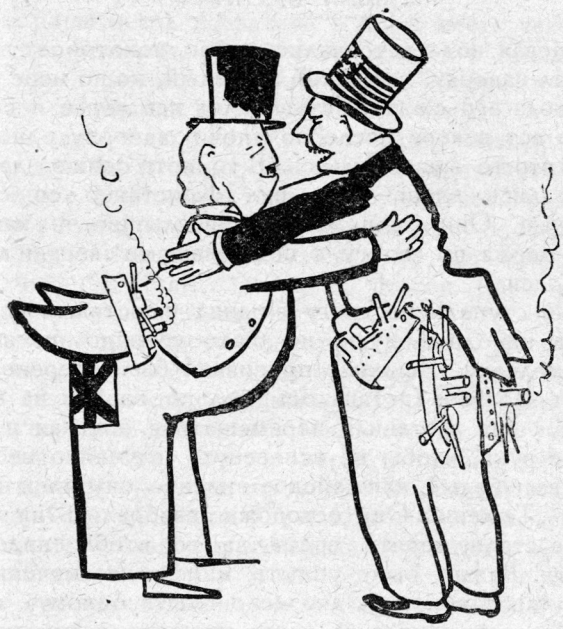
А сам „добрый дядюшка“ вспотел, бедняга. Легкое ли дело, одной рукой писать трогательные дипломатические романсы „против войны“, а другой подписывать миллионные счета на постройку новых броненосцев, пушек, танков, аэропланов-бомбовозов.

Как говорится, пакты пактами, а хвост пистолетом! Американский дядюшка, как и все другие буржуазные „дядюшки“ Старого и Нового Света, прекрасно знает, что пока весь мир не разоружится, пока не уничтожат все пушки, миноносцы, танки и прочие мерзостные машины убийства и пока существуют они сами и капиталистический строй, никакие подписи на „пакте“ не спасут мир от новой кровопролитной драки при первом же международном скандале. Но разоружиться капиталистам страсть как не хочется. Война, как всякий грабеж, приносит им большие доходы. Однако, нельзя же говорить так прямо открыто:

— А мы за войну!.. С нами бог!.. Ура, ура! Давайте пограбим!

Неудобно это. Такие культурные, изящные господа, и вдруг, нате вам!—за грабеж, за убийство. Поэтому

они стараются одурачить, прежде всего, рабочих своих стран, делая добрые лица и громко разговаривая о братстве народов. А у каждого за спиной припасен пистолет... А тут еще СССР без всяких обиняков взял да и предложил:



— Раз вы говорите, что вы против войны, так возьмите и уничтожьте все ваши военные запасы, розоружитесь, и тогда конец войне.

В ужасно неловкое положение попали капиталисты. Спасибо, Келлог помог. Предложил подписать пакт. Капиталистические страны очень обрадовались. И капитал сохраним, дескать, и мирный вид приобретем! Ловко это американцы выдумали.

Коммунисты буржуазных стран знают истинную цену этой бумажке, закапанной чернильной ложью, крокодиловыми слезами и пóтом дипломатических усилий. Коммунисты голосуют против пакта Келлога. Но СССР все-таки подписал пакт. Доказывая свою твердую неизменно-мирную политику по отношению ко всем народам, СССР первый предложил своим соседям подписать обязательство о том, чтобы досрочно ввести силу пакт Келлога. И в Москве месяц тому назад Польшей, Румынией, Латвией и Эстонией был подписан с нами так называемый „Московский протокол“. На некоторое время он может быть немного оградит нас от нападения со стороны наших „добрых соседей“. Но, конечно, мы хорошо знаем, чего стоят на деле такие пакты, за которыми скрываются направленные на нас пушки. Первый выстрел—и клочки останутся от пакта. Так-то!

Сыпь, Донбасс! Крути, Трехгорка!

На заводе Югостали имени Дзержинского машинист с помощником весело провели ночку. Не могу вам, ребята, сказать, что у них там было, именины ли, свадьба ли—не знаю. Но, явившись на другой день на завод не совсем в своем виде, друзья вскоре, обнявшись, задремали. Какой им сон снился—тоже неизвестно. Вероятно, веселый. Зато явь оказалась весьма грустной. Оставленная без присмотра машина поработала немного еще и... сломалась! Поломка была серьезная. Завод из-за этого три дня не работал. Государство понесло большие убытки. Говорят, что скоро двоюродный брат помощника машиниста женится. После этой свадьбы завод имени Дзержинского, вероятно, будет стоять целую неделю.

Такие случаи были и бывают не только на заводах Югостали. На многих заводах и фабриках пьянствуют на работе, опаздывают, прогуливают рабочие дни, работают неусердно, невнимательно, как-нибудь, шаля-валя. Трудовая дисциплина падает. Количество выработанного товара уменьшается. От этого товар дорожает или, как принято говорить, растет себестоимость продукции. А государство Советское от этого беднеет. Деньги уходят зря, товаров делается меньше. Громадный, неизмеримый вред приносят Советскому государству люди, плохо работающие, плохо выполняющие свои обязанности. Но многие малосознательные рабочие не понимают этого и защищают прогульщиков, пьяниц, разгильдяев, лодырей, вредителей, хулиганов и рвачей.

Прежде хозяин-капиталист выжимал из рабочих прибыль и клал ее в свой карман. Советская власть дала по шее капиталисту и сделала хозяином самого рабочего. Новый советский хозяин знает нужды рабочих. Он сделал так, что условия работы стали совсем иными. Он ввел восьми- и семичасовой рабочий день, охрану труда и многое другое. Такие условия работы и не снились прежде рабочим. Кроме того, рабочий работает сейчас не на хозяйчика-буржуя, а на самого себя.

На многих заводах рабочие уже поняли, что плохой работник, лодырь, прогульщик, пьяница—злейший враг прежде всего самих рабочих. Рабочие об'явили войну прогулам и разгильдяйству. Ленинградский завод „Красный выборжец“ и Каменская писчебумажная фабрика вызвали рабочих других заводов

на производственный матч по удешевлению своих товаров, т. е. по снижению себестоимости продукции. Тридцать заводов и фабрик откликнулись на зов Каменки и Выборжца: „Серп и молот“, „Трехгорка“, „Сясьстрой“, „Амо“, „Буревестник“, „Динамо“ всколыхнулись. За ними встают тысячные рабочие армии других заводов. Двоюродному брату помощника юго-стальского машиниста теперь вряд ли удастся хорошая свадьба! Не время теперь спать на работе.

Сыпь Донбасс! Крути, Трехгорка! Подымай трудовую дисциплину! Снижай себестоимость!

ЛОФОТЕНСКИЕ ГЕРОИ

Отрывок из повести. Уоганна Бойера
Перевод М. КРИСТЕНСОН
Рисунки Л. БРУНИ

Морские птицы летели на восток. Криставер сидел в лодке на отмели и следил за птицами: они летели на восток.

Его тянуло туда же. Когда он закрывал глаза, то ему казалось, что он чувствует смутное движение рыбы, которая проплывала где-то вблизи. Его тоже влекло на восток. Он никому не сказал ни слова, и решил действовать.

Погода была снежная, но без ветра. На крышах домов громоздились снежные сугробы. Шхуны в гавани стали неузнаваемыми. День и ночь шел снег.

Раз вечером Криставер отозвал Сюцансу в сторону и тихонько поговорил с ним о чем-то. Потом он собрал у лодки свою артель. Они немного погодя вытащили из барака кое-какую мелочь и перетаскали ее в лодку. В тот же вечер весь экипаж „Тюленя" лег спать очень рано.

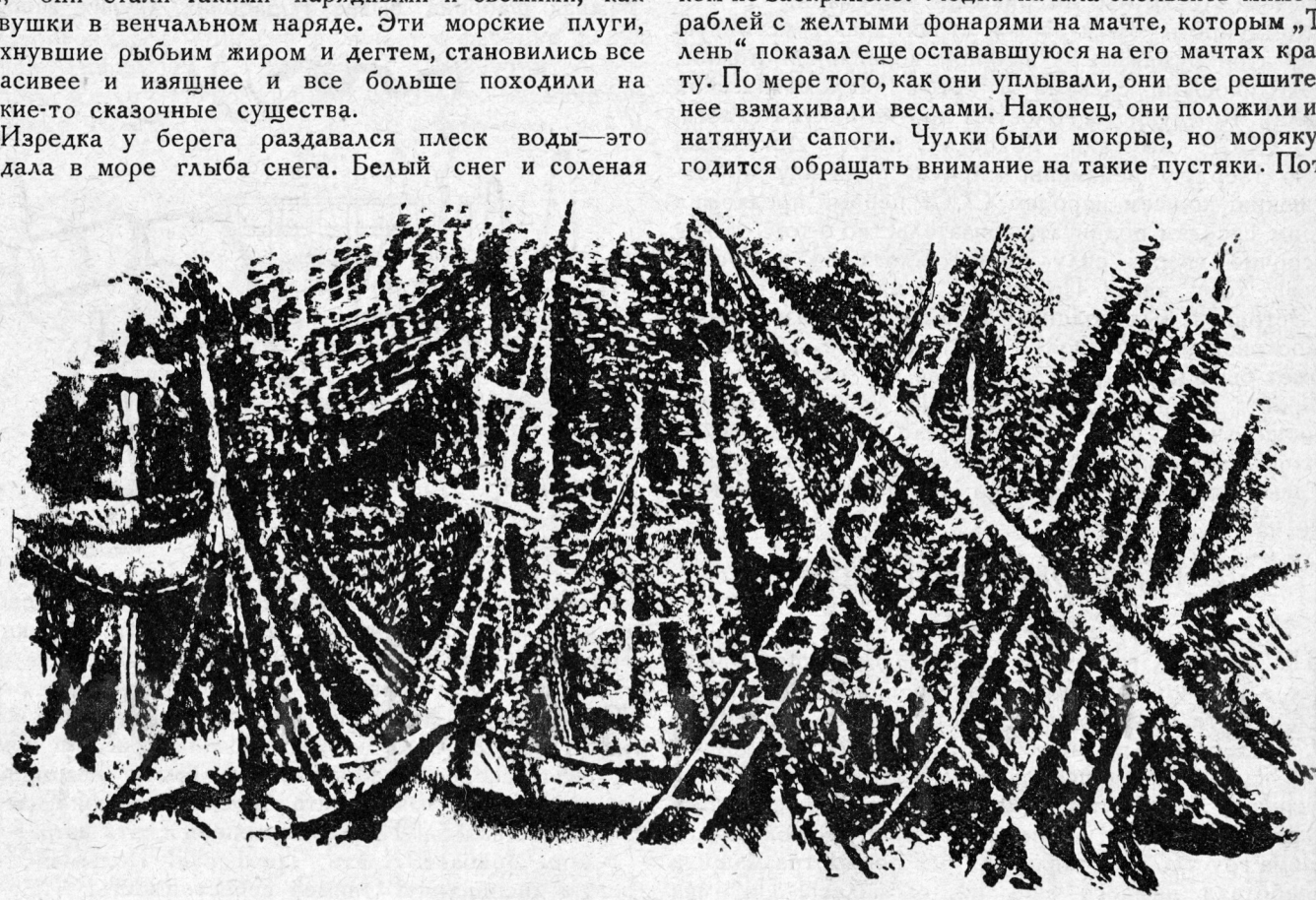
Снег продолжал падать. Море глухо рокотало, но в воздухе стояла тишина, горы и скалы были словно зачарованы ею. А когда погасли огни и становище заснуло, снег пошел еще гуще, он падал мягко и беззвучно. Снег засыпал дороги, наметал сугробы у стен и на крышах, и лестницы превращал в горы. Боты и шхуны стояли так тихо, что снег кучками ложился на верхушки мачт, на штевни, бугшприт и уключины. Фонари из гавани освещали реи и канаты, опушенные белой полосой. Реи громоздких галеасов и нордландских шхун украсились белыми кружевами,—они стали такими нарядными и свежими, как девушки в венчальном наряде. Эти морские плуги, пахнувшие рыбьим жиром и дегтем, становились все красивее и изящнее и все больше походили на какие-то сказочные существа.

Изредка у берега раздавался плеск воды—это падала в море глыба снега. Белый снег и соленая свинцовая вода встречались, снег некоторое время плавал наверху, все такой же белый, но по мере того, как вода его с'едала, становился все серее и серее.

Но вот вскоре после полуночи наверху одной из скал что-то зашевелилось. В темноте один за другим показались люди,—это шел Криставер со своей артелью. Они шли совсем неслышно, в каждой руке держа по сапогу, а под мышками свертки меховых одеял.

Они ступали по снегу в одних шерстяных чулках, чтобы ни одной душе не было слышно ни звука. Все молчали. Ящики с провизией были перенесены в бот заранее. Оставалось только взойти на борт. Челнок они заставили перемещаться, опуская в воду голые руки, чтобы не всплеснуть случайно веслом. Вот весь белый, как райское видение, очутился перед ними „Тюлень". Они осторожно взобрались на него, но не стали терять время на то, чтобы надевать сапоги. Важно было уплыть никем незамеченными и неуслышанными. Одно дело плыть одному, и совсем другое, когда за вами тащатся сотни судов. Один Пер Сюцанса знал о их плане.

Когда они стали втаскивать на борт якорь, борт стал стряхивать с себя свои украшения. Белый снег все сыпался и сыпался на шесть зюдвесток. Бот до половины наполнился снегом, но выгребать его было не время. Выволокли весла, но прежде чем вложить их в уключины, туда подсунули по рукавице, чтобы ненароком не заскрипело. Лодка начала скользить мимо кораблей с желтыми фонарями на мачте, которым „Тюлень" показал еще остававшуюся на его мачтах красоту. По мере того, как они уплывали, они все решительнее взмахивали веслами. Наконец, они положили их и натянули сапоги. Чулки были мокрые, но моряку не годится обращать внимание на такие пустяки. Потом



Реи громоздких галеасов и нордландских шхун украсились белыми кружевами

черпаками и ведрами выгребли снег и стали смотреть, какая погода. Им нужно было плыть на восток. Ветра не было, а море и течение влекло в обратную сторону. Однако, артели необходимо было плыль на восток и следовательно пришлось грести.

Они сели на весла.

Три пары весел врезались в море, шесть человек, сидевших попарно, наклонялись вперед и откидывались назад, вперед и опять назад. Головы в зюдвестках описывали дугу. Стало так жарко, что пришлось снять зюдвестки. Бот тяжел—напрягайся: весла длинны и тяжелы, плыть надо против течения, собери все свои силы. Нельзя, чтобы относило назад, раз тебе нужно вперед. Сам кормщик гребет. Изредка он поворачивает голову и следит за фарватером,—примечай, где маяк и держи на восток. Часы идут. Вокруг все еще темная ночь.

Никто не произносил ни слова. Никто ни о чем не думал. Они все—напряженные руки, напружинившиеся ноги, спины, обливающиеся потом. Все они олицетворение одного действия—гребли.

И они гребли. Бот продирался сквозь течение, мимо мысов, бухты и шхер, где пенился и вскипал прилив. Снег не падал больше, но небо было темно от тяжелых облаков с зелеными и желтыми просветами. Тот же свет и тени брызгали и по морю. Вдруг все зашевелилось, задвигалось по небу, облака потянулись, стали превращаться в фигуры, в зверей, в рыбаков в лодке. Поползли какие-то женщины в платках, дети верхом на рыбах, все поплыло к желто-зеленому свету. То же отражалось и в море.

Но куда плыли эти люди? Этого не знал даже Криставер. Он слышал только смутный голос, звавший его на восток. Он видел стрелку компаса, указывавшую туда же. Он слушался этого указания и прежде, и никогда не раскаивался. И он видел всех этих чудовищ и на небе, и в море, и бежал. Но не от них бежал он, а от бедности. Не в первый раз этот призрак преследовал рыбачью лодку и заставлял выбиваться из сил бедных рыбаков. А там впереди, может быть, и есть спасение, кто знает? Только бы не пасть духом и выдержать.

И они гребли.

Маяки у Лофотенской стены побледнели, море потемнело, сказка на небе погасла и опять ушла в морскую пучину. В глубине одной бухты показался Кабельвог со множеством огней. Дальше виден был большой мол, где как бы из моря к самому небу поднималась церковь. Рассветало. Наступал день. Перед ними на востоке всплыл целый ряд гор с глубокими заливами и фьордами. А кругом был все тот же желто-серый Вестфьорд под желто-серым небом, и только где-то далеко-далеко темнела полоска земли. Что делать? Куда плыть?

Тут Криставер вскочил на скамью и огляделся кругом. Он протянул руку—весла остановились как раз в ту минуту, когда их готовы были окунуть в море, только слышно было, как под килем всхлипывала вода.

Криставер тотчас же увидал целую стаю судов, выплывающих из Кабельвога и Свольвэра. Они вдруг заторопились, как будто какая-то новость заставила их очнуться от сна. Они напоминали пожарных, торопящихся на пожар. Вот показались и пароходы, они быстро опередили лодки. Куда же спешили они?

— В чем дело?—спросил Генрик Рабсбен, становясь на скамью рядом с Криставером.

Но Криставер смотрел уже в другую сторону. Он разглядел далеко в море пеструю стаю птиц, там не было мели, но слышалось дыхание китов и били вверх их фонтаны. Где в этой местности плавает кит, там есть и сельдь, а где сельдь, там и треска.

Киты плыли к востоку. Но, вероятно, проходили стаи и прежде, раз люди успели уже узнать об этом.

Киты неизбежно должны были войти в бухту.

Все на „Тюлене“ вскочили на скамью и таращили глаза.

— В чем дело. Поглядите-ка! Аа-ай!

Но Криставер не произносил ни звука.

— Гребите!—скомандовал он, наконец. И схватился за весло.

К началу дня заметили они за собой целый лес мачт, все они плыли за ними. Неужели открыли их бегство. Заметили ли, как они уплывали, или увидали, как отчаливал Пер Сюцанса. За ним, вероятно, поплыл еще кто-нибудь и верно не зря. В чем дело? Многие отплывают, возникает слух о приближающейся рыбе, начинается волнение, целый ряд лодок отделяется от берега. И вот они тут.

Показался и дым—это катеры. У них снасти—по последнему слову науки, ими извлекают они из моря целые состояния,—это особые плавучие сети. До сих пор их еще не применяли как следует, но они еще покажут себя. Катеры были, вероятно, извещены по телеграфу, у них есть также бинокли. Но кто придет первым? А это главное. Вот они обогнали уже все парусники, приближаются все ближе. Теперь они перегнали и „Тюленя“.

Вот пароходы проплыли вперед, оставив в воздухе полосы серого дыма.

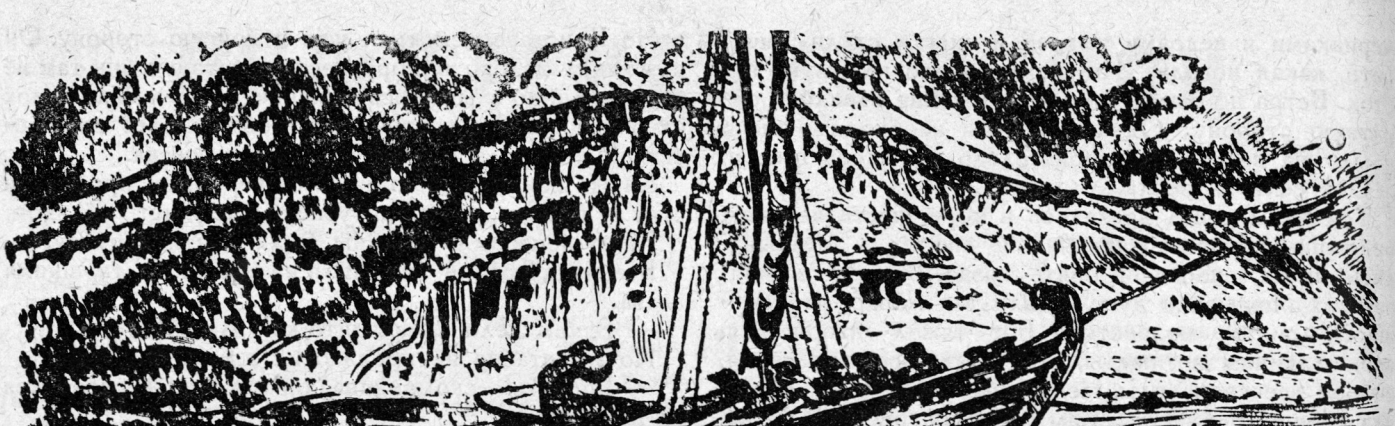
Чувство полного бессилья овладевает гребцами, но они не сдаются. Наступает полдень, а они все гребут. Теперь со всех сторон появляются лодки, они выплывают из ближайших становищ, они опоздали, но гребут изо всех сил. Все гребут на перегонки. Рыбаки с „Тюленя“ ни за что не хотят отстать. Ран на руках ни у кого нет, но Арнт Осен харкает кровью. Он начал было хныкать, но никто не обратил на него внимания.

Перед ними вставали горы, в которые вдавался фьорд. В устье виднелся целый город мачт и стоял гул от человеческих голосов. В чем дело? В голове у Криставера мелькнула мысль, что если стая рыбы преследуемая китами, вошла во фьорд, то она уже не сможет вернуться обратно, так как всего на протяжении нескольких миль фьорд этот кончался в расселине горы. Гул голосов усилился. Криставер обернулся и поглядел вперед. Что же это могло значить? Целый ряд катеров, на манер заставы, встал перед устьем фьорда. Они заперли вход, не давая лодкам проникнуть внутрь. Лодки столпились, как перед плотиной. И по мере того, как приближался „Тюлень“, гул голосов превращался в бессвязный шум, в дикий рев, ругательства, в вопль тысячи рыбаков. Катера тревожно гудели. Крики доносились также и до тех ботов, которые были еще далеко, но все еще надеялись притти во-время.

— Что тут происходит?—крикнул Криставер лодке, плывшей перед ними.

— Они говорят, что во фьорде рыба кишмя-кишит, но катеры не пускают рыбаков. Господа хотят забрать все себе. Они выбросили неводы. А нас не пускают.

— Чорт знает что такое!



Три пары весел врезались в море.

В следующую минуту Криставер стоял на скамье. Он откинул голову назад и положил руку на руль; зюдвестку он скинул уже давно, когда-то ночью, и теперь стоял с обнаженной головой с развевающимися курчавыми волосами.

— Гребите,—сказал он.

Они очутились теперь в диком хаосе лодок, но до катеров было еще довольно далеко. Вход во фьорд был не шире полукилометра, с обеих сторон подымались вверх крутые горы, а над самым фьордом с дикими криками носилась густая стая птиц. Крики эти возбуждали рыбаков. Там было богатство, а их не пускали. Господин хотел все забрать себе.

Китовые вздохи слышались теперь и во фьорде, киты обернулись и хотели было войти обратно, но увидали преградившую им путь цепь катеров. Новое волнение: киты неуклюже повернулись и поплыли, тяжко вздыхая, вглубь фьорда. Рыбаки приходили в бешенство. Там, где кит, там богатство.

Поднялся рев тысячи голосов, сжатые кулаки показались из сотни ботов.

— Пустите нас во фьорд, или, чорт вас возьми, мы убьем вас!

Но на катерах не было видно ни души. Их железные корпуса были совершенно пусты. Впрочем на том, что стоял перед самым „Тюленем“, на капитанском мостике показался господин в шубе и меховой шапке. Он преспокойно похаживал и курил длинную трубку. Шкипер в просмоленной одежде показался тоже около него и крикнул:

— Пожалуйста, потерпите, люди, пока мы не опорожним невода. Кто первый приходит на мельницу, тот первый и мелет. Отправляйтесь-ка обратно к вашим мелям,—эти здесь—наши.

В ответ ему раздался презрительный хохот.

— Ваши! Может быть, фьорд ваш? И рыба в море ваша! Ха-ха-ха!

Но тут где-то, в конце рыбачьей стаи, раздался знакомый голос: — Вперед, ребятки, наступайте, не бойтесь! Чорт возьми, наступайте!

Оказалось, что это рыбак Яков, подоспевший вместе со всеми и теперь стоявший где-то сзади рядом с Пером Сюцансой. Его боевой клич был подхвачен целым хором голосов:

— Наступайте, парни, бросьте их в море живее.

— Вперед!—крикнул и Криставер и с веслом в руке прыгнул на нос бота. Там, где отец, там должен быть и сын, и Ларс, вооружившись багром, очутился рядом с ним. Капелес, Элезеус Гюлла, Генрик Раббен—последовали за ними, размахивая в воздухе веслами, черпаками. Но Арнт Осен подумал, что кому-нибудь надо присмотреть и за лодкой, и не успел опомниться, как очутился у руля, как будто бы кто дал ему власть над „Тюленем“. Послышался глухой топот ног, обутых в тяжелые морские сапоги, перелезавших из бота в бот, и целый лес оружия, хотя и не острого, заколыхался по направлению к пароходам.

— Хватайте! Берите их! Бросьте их в море!

Тут один из пароходов, словно призывая на помощь, принялся гудеть. Большинство экипажа было, вероятно, занято неводами внутри фьорда. Рыбаки стали перелезать на пароходы, и плохо пришлось бы тому, кто попался бы им в руки. Но их поведение было предвидено. Машинист с соседнего парохода направил прямо в лицо осаждающим пожарную струю кипятка. Вода шпарила и ослепляла. Раздался рев, вопли, проклятия. Рыбаки попятились назад и попадали обратно в лодки. Палуба парохода была очищена от людей, нападение отбито. Рыбная ловля усовершенствованными неводами, это бессовестное извлечение из моря несметных богатств, могла беспрепятственно продолжаться во фьорде.

А новые лодки все прибывали и прибывали, наполненные потными, разгоряченными людьми, гребшими изо всех сил, только чтобы поспеть во-время. Бешенство заразительно,—борьба, вой, вопль ошпаренных рыбаков безумели и возбуждали всех остальных. Призыв схватить врагов и бросить в море перелетал из лодки во лодку.

На этот раз осадили все пароходы зараз. Те, кто приехал позднее, разгоряченным потоком обгоняли приплывших раньше; кое-где сверкнули топоры. Но господа приготовились защищаться, они наладили кишки со множеством кипящей воды, они пускали струю прямо в лицо, молодцы еще раз отхлынули назад, многие попадали в море, и их пришлось вылавливать.

Но Канелес Гомон, бывший унтер-офицер, взял на себя команду.

— Внимание!—крикнул он.—Налаживай штыки!

Он выхватил свой собственный финский нож и прикрепил его ремнем от ножен к концу весла. Многие последовали его примеру, и Капелес скомандовал:

— В штыки! Переколем этих свиней! Марш вперед!

Ошпаренные были совершенно вне себя; те из них, кто еще видел, бросились вперед с ножами, одичавшие, обезумевшие от боли и бешенства. Но их опять встретила струя кипятка. Горы отразили нечеловеческий вопль.

А наверху, на капитанском мостике, разгуливал господин в шубе; он до того был уверен в своей победе, что не хотел даже перестать курить. Стоявший рядом с ним шкипер перенял теперь команду над машинистом с кишкой.

— Вот туда,—указывал он.—Окати-ка их разочек. Вот так! Чорт возьми!

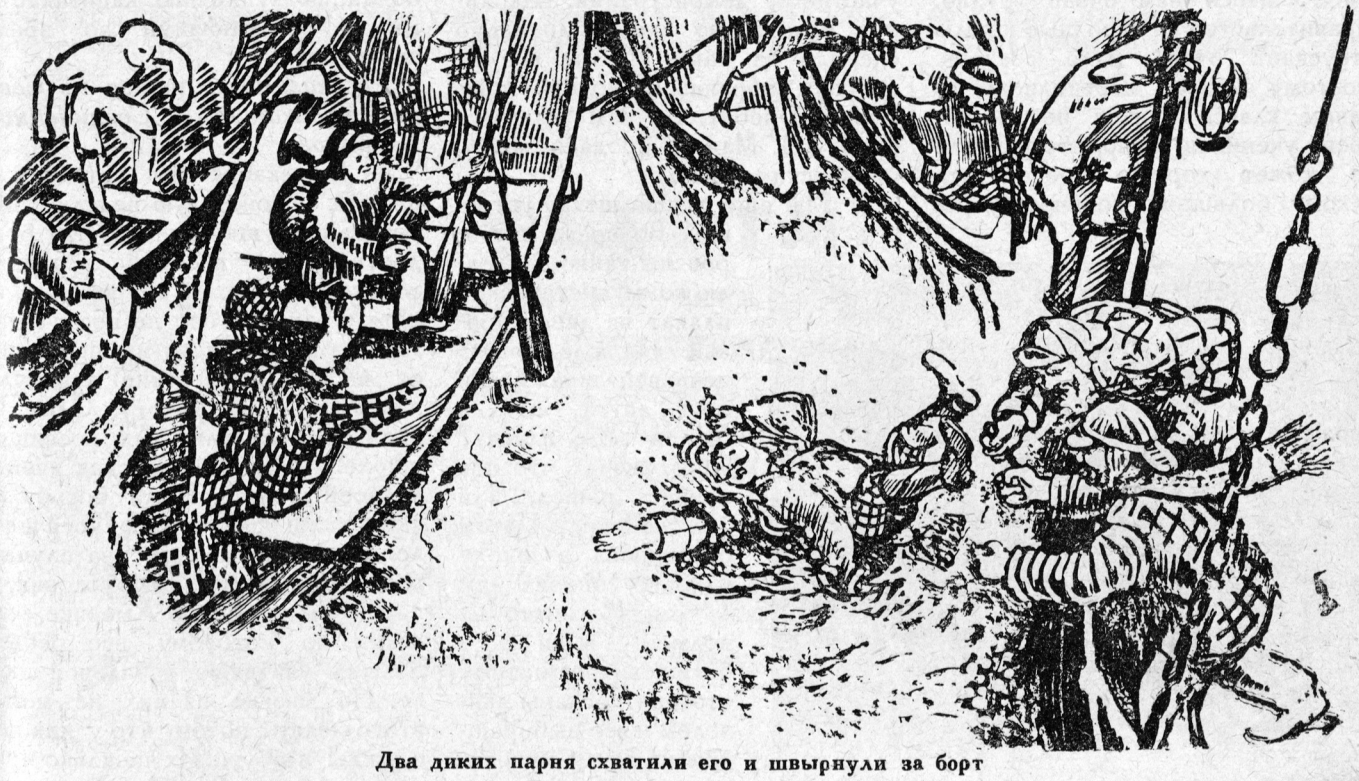
Машинист был худой парень с засученными рукавами, его руки были покрыты татуировкой. Он как раз собирался направить струю воды на Якова, когда вдруг сзади него вынырнул человек. Это был Канелес. Он проплыл под пароходом и влез на палубу с другой стороны.—„Берегись!"—крикнул шкипер. Но не успев даже обернуться, машинист свалился с ног, сшибленный кулаком, вооруженным медной табакеркой. Канелес ногами столкнул его в трюм, схватил кишку и направил струю прямо на господина на мостике. Человек в шубе схватился за лицо, завопил от боли, попятился назад. Шкипер клялся и ревел, присел на карточки и, наконец, упал. Рыбаки бросились на катер. А Канелес направил кишку на машиниста на соседнем катере. Ура!—Теперь он руководил осадой с высокой крепости, он был генералом. Машиниста обдало струей кипятка, он выронил кишку на палубу и взревел.

В следующую минуту и на его катер вскарабкались осаждающие, и не успел никто опомниться, как все катеры перешли в руки рыбаков.

Теперь на помощь катерам спешили лодки с неводами, но было уже слишком поздно. Господин в шубе вскочил на ноги, и хотя одной рукой он закрывал лицо, другой он махал и делал знак, что хочет говорить: „Послушайте, люди, мы обещаем вас впустить, но дайте слово, что вы не будете мешать ловцам с неводами".

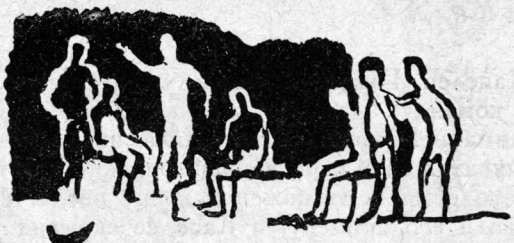
С таким же успехом он мог бы обратиться и к урагану. Два диких парня схватили его и швырнули за борт, шкипера с проклятием отправили туда же,— к счастью для них лодки с неводами были недалеко и подобрали их. На всех катерах произошло то же самое. Обожженные, полуслепые парни не знали удержу, они перешвыряли за борт всех шкиперов, машинистов и рулевых, а потом продолжали неистовствовать и в каютах, разбивали зеркала, лампы, бутылки—все, что попадалось под руки.

В одну минуту в ряду пароходов образовалась брешь, флот рыбаков влился в нее, рассеялся по фьорду и поплыл дальше, в глубину. Но тут рыбаки увидали обширные неводы, со всех сторон окруженные хлопотавшими возле них лодками. Ими необходимо было завладеть. Так богатели господа, они опустошали море в два-три приема, так что бедному люду вовсе ничего не оставалось.—Берите их. Хватайте. Внутри неводов рыбы было так много, что казалось, что воду хлещет беспрерывный град. Но кругом во фьорде она стояла так же густо, повсюду виднелись рыбьи спинки, фьорд бурлил, как кипяток в котле, весла опускались в рыбу, как в сказке, они с трудом пробирались сквозь нее. У всех глаза налились кровью. Весла взметнулись вверх, лодка с неводом была тотчас окружена, людей поснимали, рыбаки набросились на неводы, стали резать их, рубить, разрывать в клочья. Пусть рыба уходит. Там дальше еще невод, битва продолжалась.



Два диких парня схватили его и швырнули за борт

РАССКАЗЫ



на большой перемене

Звонок на перемену. Школьники шестидесяти стран мира высыпали из классов—урок окончен. Это ничего, что одни из ребят цветом своей кожи напоминают самый вкусный шоколад „Золотой ярлык“, а другие желты, как лимон. Не важно также и то, что школы, в которых перемена, находятся на расстоянии многих часов и даже месяцев пути друг от друга. Ведь звонки-то и перемены в школах всего мира одинаковы. Воспользовавшись этой переменой, „Пионеру“ удалось собрать на этих страницах представителей почти двух десятков школ.

Послушаем, что они рассказывают. Только поторопимся, потому что ребятам надо спешить, чтобы поспеть на следующий урок.

Первым рассказывает ново-зеландский школьник. Новая Зеландия—это очень далекие от нас острова, около Австралии, и новозеландцу некогда. Поэтому он рассказывает немного.

— Учиться нам очень трудно. Правительство на народные школы отпускает очень мало средств. Поэтому школы переполнены—в одном классе учится по шестьдесят учеников. Ясно, что учитель не может хорошо преподавать такому большому количеству ребят. На желания ребят не обращается никакого внимания, в школе нет и намека на самоуправление. Слово учителя—закон. В школе только и делают, что занимаются военными предметами, а потом рассказывают об истории королей и войн. Мы с жадностью ловим все известия о школах Советского Союза.

Новозеландец поспешно кончил, приветственно махнул рукой и умчался.

Выступают два пионера из Чехо-Словакии. Они говорят, перебивая друг друга.

— Начальница школы ругает нас потому, что знает, что мы коммунисты и запрещает ходить на пионерские сборы. Она бьет нас, а иногда заставляет мыть уборные. Одну девочку после мытья уборной несколько дней тошнило...

— А мы один раз очень здорово одурачили полицию и школьное начальство. Полиция разослала по всем школам приказ, запретивший праздновать 1 Мая и принимать участие в демонстрации. Школьное начальство очень бдительно следило за нами. Но мы все же собрали собрание, на которое пришло 600 ребят. На нем мы говорили о 1 Мая и продали много пионерских газет...

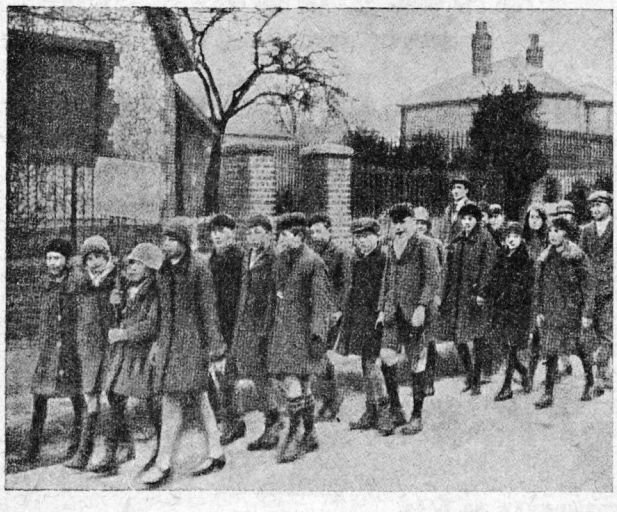
— Мы еще лучше штуку устроили. Во время выборов мы тайно наклеили коммунистический плакат на двери церкви. На следующий день все спрашивали друг друга — откуда взялся этот плакат? Поп отвечал, что это принес дьявол, или большевики. Потом он пришел в школу и долго говорил нам о том, что никто не должен выбирать большевиков, потому что они посланы дьяволом и все выбирающие их будут мучиться в аду. Массарик же (президент Чехо-Словацкой республики) — посланец бога и те, которые будут голосовать за партию правительства, прямо попадут в рай. В конце поп просил всех ребят рассказать об этом родителям...

— Мой отец коммунист, и когда я сказал учителю, что я тоже коммунист—он выдрал меня за уши. Когда у нас была забастовка, мы отказывались в школах сидеть рядом с детьми штрейкбрехеров (рабочих, подкупленных капиталистами и работающими во время забастовок).

Американские пионеры.

Рассказывает пионер из Северо-Американских Соединенных Штатов.

— В декабре мы устроили в школах „пионерскую неделю“. Мы доказывали школьникам, что рождество — это веселый праздник только для детей буржуазии, а детям рабочих оно не несет ничего хорошего. Часто им приходится на рождественские каникулы наниматься на работу. Один из дней этой недели был посвящен школе. Каждая пионерская ячейка в своей школе начала борьбу со скверными условиями в своей школе. Опишу вам еще два случая, которые покажут вам условия, в каких мы учимся. В Америке есть закон, по которому все ребята должны учиться в начальной школе. Но многие из них не могут этого делать, потому что у них нет одежды и обуви. Их насильно приводят в школу. В г. Нью-Бедфорде



Демонстрация школьников в Германии.

школьный инспектор пришел на квартиру к забастовщику Лимару. Его сын, Эдвард, уже полторы недели не ходил в школу, потому, что у него не было башмаков. Инспектор схватил его и потащил в школу босого.

Учеников средней школы Грац в г. Филадельфии заставляют покупать завтраки в школьном буфете. Многие не могут покупать дорогих завтраков. Ученики выступали с протестом против запрещения завтракать дома. Два пионера, Сам Чарлик и Нат Диков, очень активно протестовали. Когда заведующий школой узнал, что они пионеры, их исключили из школы.

Подвижной и веселый французский школьник взял слово вне очереди.

— Я должен торопиться. Господин кюре (священник) приходит за пять минут до начала урока и проверяет присутствие всех учеников.

В нашей школе есть волчата. Это — члены буржуазной детской организации, вроде советских октябрят. Волчата не выносят пионеров. Мы часто приглашали их играть с нами, надеясь перетянуть их на нашу сторону, но они отвечают руганью. Однажды, войдя в класс, один из них закричал: „Коммунисты — лжецы". Учитель прекрасно это слышал, но ничего не сказал. Тогда один маленький пионер, вышедший из себя, ответил волченку: „Долой фашизм!" Учитель схватил его и избил.

Немецкий школьник выступил с целой кипой вырезок из газет и писем ребят.

— Наша школа — это все равно, что казарма. Во многих школах запирают двери на все время занятия. Суровые наказания сыплются на ребят за самые незначительные проступки.

Вот что пишет пионер Г. В. „Мы должны были на уроке рисовать анютины глазки. Поэтому каждый ученик должен был принести с собой этот цветок. Когда учитель подошел ко мне, он увидел у меня советскую звезду вместо цветка. Он разозлился и спросил, почему у меня нет цветка. Я ему сказал, что у нас сада нет, воровать я не хочу, а купить цветок я не могу, потому что цветы стоят дорого. За это учитель оставил меня в школе после занятий на четыре часа".

Детские газеты за границей.

Вот письмо другого пионера.

— Я учусь в школе господина Кубитца в Берлине. Он нам задает очень много уроков и требует точного знания их. Сегодня мы должны были: 1) прочитать 10 страниц, 2) исправить диктовку, 3) решить 6 задач, 4) написать сочинение в 2 страницы. Иногда бывает еще больше. Что же остается от нашего свободного времени?.

Но тут изо всех стран послышались звонки—перемена кончилась. Ребятам надо спешить и они, распрощавшись с „Пионером", исчезли.

— *Пишите в „Пионер"!—отчаяно закричал им вдогонку секретарь, который записывал их речи.*

— *Ла-а-адно! Gut! Well! Eh, bien! Dobrze!—донеслось до него на разных языках.*

Будем ждать их писем.

РЕБЯТА!

В мае месяце трудящиеся дети всего мира празднуют

ДЕВЯТУЮ МЕЖДУНАРОДНУЮ ДЕТСКУЮ НЕДЕЛЮ

Пишите нам о ходе подготовки к МДН в отрядах и школах.

Присылайте копии получаемых вами писем от пионеров и школьников капиталистических стран.

В следующем номере „ПИОНЕРА" читайте очерк об МДН.

КЕМ Я ХОЧУ БЫТЬ?

Я очень люблю природу и хотела бы стать натуралистом. Кружка юннатов у нас нет, и я работаю в одиночку. Выписываю журнал «Юный натуралист», но этого мало. Дорогая редакция, порекомендуйте мне книгу для годовой работы юнната у нас на Севере, и книжку, по которой я могла бы научиться рукоделию. Мне очень хотелось бы поступить работать на Московскую биостанцию юннатов. В Москве у меня есть тетя и я могла бы там жить и работать. Только не знаю, примут ли меня. Дорогая редакция, сообщите условия приема на БЮН: со скольких лет принимают, какие нужны знания. Я больше всего интересуюсь селекцией. У меня много цветов и я над ними наблюдаю.

г. Шенкурск. Вера ЛЕВАИДОВА.

Когда окончу школу, буду просить отца, чтобы он помог мне учиться дальше, и буду учительницей. Я была бы очень довольна этой работой. Зимой буду учить крестьянских детей, а летом буду работать в яслях, тоже с детьми и среди крестьянок, стараясь всеми мерами облегчить их участь. А тяжело им еще живется в деревне. Потом поступила бы в партию и верно проводила бы учение В. И. Ленина. Своей работой я завоевала бы авторитет партии и крестьян, и память обо мне надолго сохранила бы та школа и окрестность, где я работала. После моей смерти школе присвоили бы мое имя, и это было бы моей гордостью.

Прочтя письмо пионерки Шуры Климовой в журнале «Пионер» № 2, я кое в чем с ней не согласна. Танцовать по коврам, которые пропитаны слезами и потом рабочих, и играть на рояле—аккордами заглушать вопли и рыдания зарубежных политических заключенных, а также получать столько денег, которых хватило бы на существование нескольких сот беднейших семей—это не по-пионерски так думать. Кроме того, так праздно проводить время, как Шура Климова, я не согласна—в этом я не нахожу счастья жизни.

Мария ПЕТРОВА

с. Велисто

БУДУ ТОКАРЕМ

Главным моим стремлением еще с детства было стать токарем по металлу. Я всегда об этом думаю и мечтаю, как я буду работать на большом заводе, среди многих рабочих и токарных станков. Для достижения моей цели я в 1928 году окончил семилетку, поступил в профтехшколу металлистов, где я и занимаюсь. Пока я работаю на слесарной работе, как все ученики, которые поступили первый год. Но в конце года шестерых человек, которые работают лучше всех, отправляют в токарную, я буду стараться хорошо работать для того, чтоб попасть в токарный цех. Я надеюсь, что моя мечта совершится, тогда я буду работать на заводе и буду счастлив. Вечером я также буду учиться и исполнять разную общественную работу.

М. Перельман

г. Минск

Я хочу быть летчиком для того, чтобы в случае войны метко с высоты поражать врага, а также бороться с врагами земледелия—саранчой и грызунами.

Я хочу делать различные открытия и изобретения, а в промежутках быть летчиком и делать рейсы на пассажирском самолете.

Я наметил такую профессию и во что бы то ни стало добьюсь своего, хотя я и не знаю, когда приступить к этому. Я начал с того, что поступил членом в Осоавиахим. Там я, должно быть, достану нужную литературу.

П. Квитко

с. Белая Глина

Учиться! Учиться!

Хорошо, что у нас в деревне есть отряд пионеров, и я в нем работаю, а если бы отряда не было, то жить мне было бы очень скучно.

Семья у нас—семь человек. Папа уже старый и не может работать, и мама уже немолодая. Два брата на лесозаготовках, младший брат учится в ШКМ, а сестра шьет одежду. Средств, чтобы учить меня, все-таки нехватает. Таким образом, по их мнению, я учиться не буду. Но я хочу быть ученицей, потому что у меня еще мало знаний.

Когда я выучусь, я не пойду работать ни в какие учреждения, а вернусь снова в свою деревню, чтобы направить ее на новый, на культурный путь. А то я вижу, много у наших крестьян суеверия и темноты. В нашей деревне есть крестьяне, которые пашут землю сохами, хотя и не у всех трехполка, сеют неочищенным зерном и справляют всякие религиозные праздники, на которые тратят много денег. Культурности у нас в деревне мало: кооперация и школа-четырехлетка.

А когда я бы выучилась, то об'единила бы всех крестьян в машинное товарищество, хотя оно и теперь есть, но состоит из каких-нибудь десяти человек. Всю молодежь охватила бы в комсомол, всех неорганизованных ребят в пионеротряд. Крестьяне бы перешли на многополье, обрабатывать землю стали бы машинами, и стал бы большой доход от земли. Открыла бы избу-читальню, уничтожила бы суеверие. Религиозных праздников справлять не стали бы и завели бы громкоговоритель и электрифицировали бы деревню. Маслодельно-сыроваренный завод бы загудел. Стала бы распространять заем индустриализации среди крестьян. За нашей деревней потянулись бы все соседние.

И вот как я размечталась. Еще не стала ученицей и не выучилась, а перевела всю деревню на новый лад.

Тася Соболева

д. Всегора

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы уже получили несколько сот писем о том, кем хотят быть ребята. На каждое письмо мы посылаем ответ по почте.

В следующих номерах будет помещен новый отдел **„Как выйти в люди“.**

Пишите письма, задавайте вопросы, будьте нашими близкими друзьями и активными читателями.

Редакция „ПИОНЕРА“

ИЗ ПРОШЛОГО КОМСОМОЛА

ЧТО ЧИТАТЬ

ВАСЯ АЛЕКСЕЕВ

У Анисьи Захаровны сидела соседка и говорила осторожно, полушопотом, оглядываясь на дверь:

— Строже тебе надо быть, вот что! Вырастила золото на свое горе! Ведь тринадцать лет всего мальчишке, а настоящим крамольником стал. Мой сорванец вчера домой такую книжку притащил, что отец как глянул, так сейчас и в печку— Кто дал?—Сперва молчал, а потом как начал пороть, сознался: Васька Алексеев. Уйми ты своего, голубушка! Взрослых за такие вещи на каторгу посылают. Наплачетесь вы с ним.

Анисья Захаровна качала головой:

— Что ж, не мне жить-то, а ему, может быть так-то и лучше.

На другой день Анисью Захаровну вызвали в училище. Она стояла в кабинете директора у края густого ковра, не решаясь ступить на него. Директор говорил вежливо, холодно и твердо:

— Вы должны помочь нам своим родительским воздействием на вашего сына. Он, оказывается, замешан в каждой шалости. Больше того: он главарь, он всегда ведет за собою других. Но это еще ничего—он живой мальчик, умный и постепенно войдет в свои берега. Хуже другое: он стал заниматься распространением нелегальной литературы. Этому необходимо немедленно положить конец. Иначе будут большие неприятности и для меня и для вас. Вы знаете, какая агитация идет теперь среди рабочих завода [1].

Анисья Захаровна сделала большие глаза:

— Такого я за ним не знала. Скажу отцу—даст порку и сожжет книги.

Директор смягчился и прибавил:

— Ведь мальчика жаль: он самый способный у нас, ему надо учиться дальше. С его головой только делать прекрасную карьеру.

Дома Анисья Захаровна с упреком сказала сыну:

— Поосторожнее, Вася, надо— в училище начальство знает, так ведь сам себе навредишь.

Мальчик ответил:

— Буду осторожнее мама, только ведь нужны они мне, книги. Еще бы рубля хоть два, а, мама?

— Нет у нас дома, сынок, ничего, придется у соседей доставать.

На другой день она обошла всех соседей, пока достала нужные Васе два рубля.

Вася с сияющим видом притащил связку книг, и Анисья Захаровна сейчас же запрятала их в корзину с грязным бельем. Приходилось скрывать ото всех, даже от отца.

Это было в 1909 году...

А в 1916 году двадцатилетний Вася Алексеев был уже партийным работником.

Мать стояла в очереди за хлебом. Городовые по-одиночке пробирались по улице. Один... другой... третий... еще один... еще... пристав... А что если к нам?.. Васи дома нет... а там у него книги... целая связка под стулом... Анисья Захаровна бросила очередь и стремглав побежала к дому.

Но спрятать она ничего не успела. Вошли городовые, за ними пристав.

— Вы мать Василия Алексеева? Он арестован. Я должен произвести у вас обыск.

Анисья Захаровна села на стул, на тот самый, под которым лежала стопка нелегальных книг и заплакала... На ней был широкий капот. Плача, она незаметно распустила его все больше и больше, пока, наконец, совершенно не закрыла стула. Городовые перерыли все, но плачущую мать оставили в покое. И ушли ни с чем...

Впрочем до сих пор говорилось больше о матери Васи Алексеева, чем о нем самом.

Но о нем самом, о его работе, о том, как он боролся с меньшевиками, как срывал их собрания, как устроил первый комсомольский журнал, как на бронепоезде отбивался от войск Юденича, как работал над организацией комсомола, как погиб от непосильной работы, оттого, что не щадил своих сил—обо всем этом расскажет вам книжка:

„Один из основателей комсомола“. Изд. „Прибой“. 1926 г. Ц. 60 к.

В ней помещены воспоминания о Васе его товарищей по работе—комсомольцев, стихи и речи его.

[1] Дело происходило на Путиловском заводе в Петербурге, нынешнем Ленинграде.

КНИГИ О КОМСОМОЛЕ

Для того, чтобы подробней ознакомиться с историей комсомола, мы рекомендуем вам прочесть следующие книжки:

АХМАНОВ, М. Первый всероссийский. (Воспоминания о первом всероссийском с'езде комсомола, состоявшемся в октябре 1928 года.)

АЦАРКИН, А. Демонстрация хвостиков. (Первая демонстрация рабочей молодежи Москвы в 1917 г.)

ГУГУЕВ, П. Девять погибло. (Эпизод подпольной работы комсомольцев в Одессе.)

ЛОБОВ, Н. Сынок пушечной мастерской. (О Васе Алексееве).

НОВСКИЙ, И. Трипольская трагедия. (Эпизод героического участия комсомольцев в гражданской войне.)

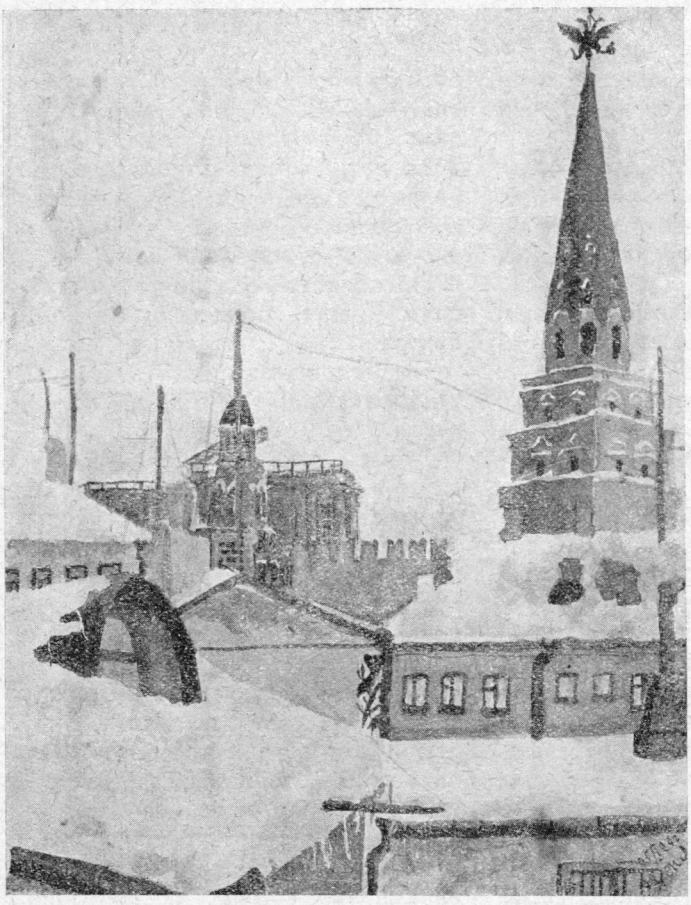
Все эти книги стоят по 10 коп. и их можно выписать из «Дома детской и юношеской книги“ (Москва, Тверская, 26).

КОНКУРС РИСУНКОВ

Кузька рисует с натуры

Все шкафы и ящики столов в редакции переполнены и грозят треснуть, а рисунки все прибывают, и жюри конкурса очень довольно, так как выставка рисунков в Москве обещает быть удачной.

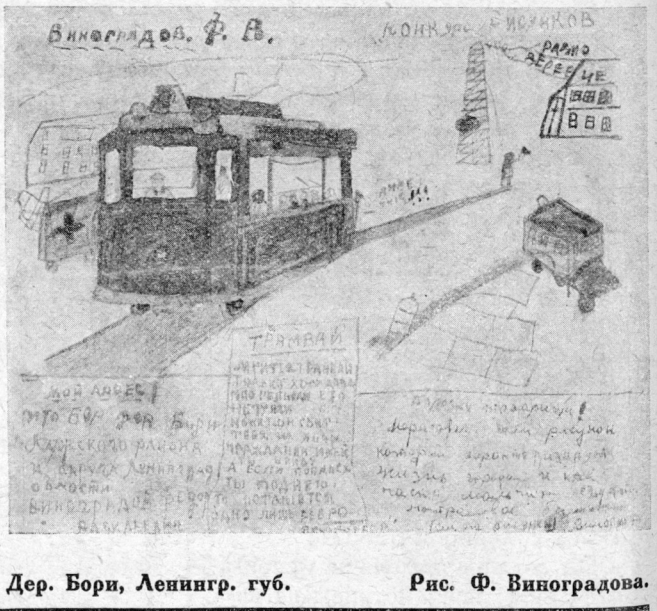
На выставке будут показаны почти все рисунки. Шлите еще.



Москва. Рис. Левы Ансон.

Рис. Н. Кокурина

Рис. Леонида Родионова.



Дер. Бори, Ленингр. губ. Рис. Ф. Виноградова.

КАК НЕ НУЖНО РИСОВАТЬ

Два рисунка внизу мы печатаем специально для того, чтобы показать вам, как не нужно рисовать. Никогда не нужно срисовывать картинки с конфетных коробок, открыток, афиш. Рисуйте с натуры, выдумывайте из головы — только не срисовывайте.

Кроме того, незачем рисовать всяких конфетных красавиц, когда кругом столько интересного для рисования — город, деревня, школа, товарищи и полный склад выдумок в ваших собственных головах.

НА ФАБРИКЕ СВЕРДЛОВА

За вторую половину марта в отрядах фабрики им. Свердлова произошло много интересных вещей.

Кипит, бурлит пионерская „свердловка“... Строятся, перестраиваются планы, все больше оживляется база. Есть и практические результаты.

Во-первых, звенья. Они собираются по два раза в неделю. Новость, правда? Зато все меньше и меньше слоняющихся без дела ребят.

Что же делают звенья? А давайте посмотрим.

12 марта—вторник. Должны были собраться 6 звеньев—собрались 4 (неорганизованность еще не совсем побеждена). Вот одно звено, по плану, должно итти на каток. Но они не подготовились к этому, не принесли коньков, денег...

Другое звено, тоже по плану работы, пишет письмо немецким пионерам. Письмо получается скучное, пишут ребята, что „у нас после Октябрьской революции власть перешла в руки пролетариата...“ и т. д. и т. п., то есть то, что немецкие ребята давно уже знают. После длинных переговоров с вожатым ребята бросили „международный масштаб“ и стали писать о перевыборах советов. В общем на писание этого письма ушло 3 сбора звена!!

Со многими другими звеньями получалось тоже не лучше: намеченные планы частью не проводились;—вожатые звеньев за этим не следили. А одно звено три сбора потратило вот на какое дело: 1-й сбор—выборы вожатого и выработка плана, 2-й сбор—выборы пом. вожатого и довыработка плана, и 3-й сбор—перевыборы вожатого (не понравился) и опять... довыработка плана. Вероятно, такими „живыми“ делами решило заниматься звено долгое время.

Что же делал в это время штаб? Члены штаба не чувствовали на себе никакой ответственности, как будто то, что делается в отряде, их ни в какой мере не касается. Вот примерное описание сбора штаба:

Председатель: Об'являю штаб открытым.

Голоса: Скорей! скорей! А то в кино опоздаем!!!

Председатель: Тише! (Оглашает повестку дня).

Разговор в углу: Что сегодня, Пат и Паташон?

— Не знаю.

— А меня мама вчера ругала...

Председатель: Тише! Всегда вы там разговариваете.

Голоса из угла: Нет, это не мы, это вон там...

Председатель вступает в длинный спор; шум разрастается. В шуме и гаме кое-как решаются вопросы. Доходит дело до заданий отдельным членам штаба. Сперва кое-кто добровольно берет на себя какое-нибудь дело; потом один вспоминает, что он занят где-то в школьном кружке, тогда оказывается, что все заняты, поднимается шум и т. д.

Как видите — „самостоятельность“ полная!

Так дело шло до 21-го марта. 21-го же марта на сборе штаба слушались отчеты двух звеньев. Оба звена не выполняли намеченного плана; поручения, даваемые ребятам звеном, не выполнялись; вожатые звеньев ничего не делали.

Эти отчеты ярче всяких слов показали штабу, что нужно делать, чтобы работа пошла хорошо.

И штаб заработал: председатель штаба уже почти не вступает в переговоры на сборе штаба, а ведет сбор. Вожатые звеньев тоже стали сознательно относиться к своей работе. Результат сказался сразу: 26-го марта собрались полностью все 6 звеньев. Одно звено занималось химией: под наблюдением руководителя ребята делали опыты и большую ракету. Другое звено читало рассказ. Третье звено ушло к красноармейцам и т. д.

Выяснилось, что некоторые звенья интересуются физикой; натуралистической работой, мастерствами и т. д. Поэтому 29 марта штаб решил создать звенья „специального назначения“, т. е. звенья, которые постоянно будут заниматься любым делом.

Вероятно, работа от этого станет лучше; по крайней мере, уже существующее звено химиков работает с большим увлечением. Кончают свои сборы ребята нередко в половине одиннадцатого.

Теперь о результатах работы. Их пока немного. 24-го марта на утреннике, устроенном частью Красной армии, с которой отряд держит связь, впервые выступала живая газета. Немного показали живгазетчики—всего одну сценку, но зато сыграна она была дружно и весело. Зато струнный кружок потрудился, насколько смог, и этим очень оживил утренник.

Вот первые ласточки, предвещающие полный расцвет всех сил и способностей базы.

Подождем, ребята, доследующего номера журнала, посмотрим, насколько подвинется работа у „свердловцев“.

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

За последние дни звенья собираются полностью и почти все работают по плану. В звенья все больше проникает физкультура: ребята проводят зарядки, готовят на звеньях физкультурные номера к утреннику и т. п.

Особенно хорошо работают звенья „специального назначения“. Ребята этих звеньев собираются во-время и полностью.

Некоторые „спец.-звенья“ задумали провести экскурсии в музей, для того, чтобы получше ознакомиться с теми вопросами, которыми они занимаются на сборах.

Сильно оживилась работа 76-го отряда, в котором состоят пионеры младшего возраста.

При базе создается рабочая дружина содействия пионерам. Записано в нее уже свыше 30 человек.

Ребята поняли наконец, что без помощи взрослых рабочих трудно будет работать и принялись за создание такой дружины. В дружину записываются рабочие и работницы, желающие научить пионеров самым разнообразным делам: варить обед, столярничать, вышивать, работать по столярному делу и т. д.

Цена 20 коп.

Кузька изобретатель

текст А. Бухова
рис. А. Лаптева

...Всего через несколько дней распущенные, неисправимые пионеры из Кузькиных знакомых задрожали от ужаса в мощных Кузькиных руках.

— Держись!—грозно сказал он первому драчуну в группе, присоединяя его к особому аппарату «самобойка».—Полчаса драки, и ты останешься без кулаков! Можешь потом вместо кулаков хоть шнурки для ботинок привязывать—мне нет до этого дела!.. Дерись, если хочешь!

Несчастная Шура, запудрившаяся до того, что дома с нее смахивали пудру кухонной метелкой, попала в об'ятия Кузькиного аппарата «пудробой»—грозная гигантская пуховка, которою могли бы запудрить на-смерть старого слона или молодого носорога.

— Пудрись!—с жутким смехом предложил Кузька.—Пудрись, но помни, что если у тебя кожа станет похожа на бок изношенного ботинка—это твоя вина...

Гигантская механизированная папироса, дым которой сразу убивал все легкие, почки, печенки и оставлял курильщика пустым до самых пяток, была водружена рядом с другими приборами и носила название «дымогон». В аппарат «саморуг» была втиснута голова пионера Васьки, отчаянного ругателя: удачная радиокомбинация относила всю Васькину ругань в его же собственные уши.

Момент, Кузька нажал рычаги аппаратов—и исправительные машины закрутились, завертелись и зажужжали.

— Теперь посмотрим!—радостно зашептал Кузька.

Но самое сложное было еще впереди, а группа неисправимых лентяев ахнула в предчувствии неизбежного исправления, когда увидела сложную машину Кузьки под названием: «лентяедробилка».

— Кузька из нас хочет сделать колбасу,—грустно вздохнули лентяи,—лишь бы только не копченую...

— Я хочу из вас сделать трудолюбивых пионеров,—гордо остановил их Кузька.—Становись в очередь!

И машина Кузьки пошла в ход. Металлическими рычагами хватала она испуганного лентяя и дугообразным движением бросала его в котел, где лентяй выкипал, пока не становился чистым, как стеклышко—сам чистый, костюм чистый, шея чистая, ногти чистые, даже носовой платок механически становился чистым. Дальше лентяй шел по трубам, где у него особыми жидкостями и кислотами прочищалась голова от глупостей и лени. В последней трубе ему придавался блеск и впрыскивался эликсир бодрости. Еще момент, и бывший лентяй вылетал из машины с громким криком:

— Книг! Тетрадок! Учиться! Скорей!

А Кузька стоял у главного котла и, энергично размешивая переварившихся лентяев, говорил:

— Дорогу машине! Да здравствует механическое исправление негодных ребят! Ура!

Москва. Главлит А 35.857. Изд. № 3.336. „Мосполиграф", 16-я типография, Трехпрудный, 9. 38.000 экз.